

ЛИНА
ФИЛИМОНОВА

РУСАЛКА И ГЛАМУРНЫЙ ПИРАТ

Лина Филимонова

Русалка и гламурный пират

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69873628

SelfPub; 2023

Аннотация

По условиям пари их беззаботный курортный роман должен продлиться ровно семь дней. Много это или мало? Время покажет... А мы посмотрим, смогут ли эти двое придерживаться первоначального плана. Она не боится морских глубин и высоких волн, поэтому все зовут ее Русалкой. А он... может, он – прекрасный принц? Ну нет, на принца не похож, да и недолюбливает она принцев. Ей больше по душе пираты. Правда, этот слишком стильный и приглаженный – гламурный пират.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	54
Глава 4	77
Глава 5	93
Глава 6	115
Глава 7	135
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Лина Филимонова

Русалка и гламурный пират

Глава 1

– Доброе утро самой неромантичной девушке на свете!

А я была уверена, что он меня не заметил. Когда я проходила мимо, он сидел спиной ко мне и что-то оживленно рассказывал своим соседям по столику. Они хохотали, он выглядел очень довольным. Насколько можно судить по затылку.

А теперь он стоит рядом со мной и радостно ухмыляется.

– Удивительно, что мы уже второй раз случайно встречаемся.

Вообще-то, как минимум третий.

– Город маленький, – буркнула я.

– Но отелей тут достаточно, а мы оказались в одном.

Я пожала плечами, всем своим холодным и равнодушным видом говоря: ну и?

– Как ты после вчерашнего?

– Просохла. А как дела у вас?

Я улыбнулась дежурной приветливой улыбкой, так как заметила устремленный на меня со стороны бассейна взгляд.

– То есть мы на «вы»? – удивился он. – Типа коров вместе не пасли и на брудершафт не пили?

Я продолжала улыбаться.

– Именно, – сказала я. – И, очень вас прошу, держитесь от меня подальше. Минимальное желательное расстояние – три метра.

Он вытаращил глаза. Я его вполне понимаю: то, что я говорила, совершенно не соответствовало выражению моего лица. Но так уж получилось.

Я одарила его прощальной ослепительной улыбкой, развернулась и проследовала в холл отеля. Не сомневаюсь, что он стоял и смотрел мне вслед, забыв подобрать отвисшую челюсть.

Я поздоровалась с Мариной, дежурившей сегодня за стойкой.

– Все в порядке?

– Да, – кивнула она. – Три номера с утра освободились, сейчас там уборка, вечером будет заселение.

– Отлично. А что насчет расписаний и афиши?

– Вон, на стенде. Я с утра распечатала и повесила.

– Замечательно.

Марина – прекрасный работник, никогда ничего не забывает. Я подошла к стенду, окинула взглядом розовые листочки в витиеватых рамочках с расписаниями автобусов, теплоходов и электричек. Афиша на ближайший месяц тоже бы-

ла в наличии, такая же розовая, с каким-то сложным шрифтом. Я бы, конечно, выбрала что-то более нейтральное, ну да ладно.

Неожиданно я почувствовала, что за моей спиной кто-то стоит. В общем-то, я сразу поняла, кто это, но на всякий случай всмотрелась в глянцевую поверхность стенда. Точно, он. Синяя футболка с черным принтом, взъерошенные вихры и белые зубы, которые отсвечивают даже в таком сомнительном зеркале. Чему он улыбается, хотела бы я знать?

Не потрудившись оглянуться, я пошла в сторону столовой, но, оказавшись за углом, изменила направление и повернула к подсобным помещениям. Склад прекрасно подойдет для моих целей. Поравнявшись с неприметной дверью, я распахнула ее, вошла и затащила за собой того, кто шел за мной следом.

Он удивленно хлопал глазами, но сопротивляться не пытался. Кажется, он даже обрадовался такому повороту событий.

– Вот, значит, как. Никогда бы не подумал...

Окинув взглядом стеллажи, заполненные пачками порошка, рулонами туалетной бумаги и упаковками салфеток, он выдал:

– А что, обстановка вполне себе романтическая.

– Тебя что, заклинило? – не выдержала я. Получилось почти визгливо.

– Радостная новость: мы снова на ты, – спокойно конста-

тировал он. И протянул руку.

Я мгновенно отдернула свою.

– Без рук!

– Без рук? – удивился он. – Оригинально. Только губы?

– Какие еще губы! Да ты просто дятел. Нет, не просто, ты – романтичный дятел.

Он засмеялся.

– Разве ты не для... – он сделал неопределенный жест рукой, – романтики меня сюда затащила?

– Как ты меня достал с этой своей пошлой романтикой!

– Да я не имел в виду ничего пошлого. И вчера тоже. Только романтичный поцелуй. Один.

Он снова протянул руку к моей руке.

Я знала, что дед с минуты на минуту спустится вниз, чтобы лично проверить работу электрика, менявшего перегоревший кусок проводки. И будет искать меня. Мне бы очень не хотелось, чтобы он застал меня за выяснением отношений с нашим постояльцем. На прошлой неделе он с громким скандалом выдворил из отеля одного озабоченного товарища, который не давал мне проходу, каждый раз при встрече пытаясь распускать руки. Я прекрасно с ним справлялась, руки его оставались без дела, но деду показалось иначе.

Честно говоря, это становится проблемой. У деда просто мания какая-то по поводу меня и всех окружающих мужчин. Ему кажется, что каждый из них готов подкрасться из-за угла, наброситься и обесчестить. Во-первых, это чушь. Во-вто-

рых, я давно взрослая и у меня, благодаря работе, большой опыт по усмирению всех видов нахалов. А поведение деда вовсе не идет на пользу нашему отелю. Новый скандал нам совсем ни к чему.

Поэтому я сказала пылкому Ромео:

– Вылезешь в окно. Там всего пара метров до земли. Обойдешь здание и вернешься к бассейну.

– Чего? – у него снова отвисла челюсть.

Я убрала с подоконника коробки с резиновыми перчатками и моющим средством.

– Ты хочешь, чтобы я вылез из окна?

– Я вроде все буквы выговариваю.

– Это что, типа, ролевая игра? – обрадовался он.

Я посмотрела на него так, что его иллюзии рассеялись.

– Это немного странно, – он не двинулся с места.

– Да вылезай уже! – в коридоре раздался голос деда. – Ты можешь просто делать, что тебе говорят? – разозлилась я.

– Ладно, ладно.

Он сел на подоконник и свесил ноги вниз.

– Вообще-то, я боюсь высоты. А тут вовсе не пара метра.

Как минимум два двадцать.

– Ну и замечательно, – сказала я и толкнула его.

Я успела захлопнуть окно до того, как вошел дед.

– Ты чего тут делаешь? – спросил он.

– Гуляю, – хмуро буркнула я.

Лучшая защита – нападение. А если начать оправдывать-

ся, тебя точно в чем-нибудь заподозрят.

Да, получилось, действительно, немного странно. Вообще-то я планировала доходчиво объяснить этому дефективному романтику, что я на работе и приставать ко мне категорически запрещено. Сделать это нужно было достаточно жестко, чтобы у него не осталось сомнений, и при этом так, чтобы дед не увидел. Но в жизни редко все идет по плану, вот и в этот раз вмешались обстоятельства. Придется отложить воспитательную беседу на будущее.

Вчера вечером был сильный ливень, просто сумасшедший. А я возвращалась от Ники пешком – решила прогуляться. Она, конечно, уговаривала меня вызвать такси, мол, нормальные люди при надвигающихся тучах и раскатах грома не гуляют. Но я была уверена, что тучи повисят-повисят над горами, да и уйдут восвояси, как уже было несколько раз на этой неделе. Поэтому от зонта отказалась.

На самом деле, не только поэтому. Я была зла на подругу, но сказать ей об этом не решилась. Зато решилась не брать зонт, который она мне настойчиво предлагала. Ну и кому стало хуже от такого завуалированного протеста?

Не люблю лезть в чужую жизнь с советами, особенно если не просят. А она не только не просила, но и точно обиделась бы, если бы я откровенно высказала бы ей все, что думаю о ее драгоценном Эдуарде и его образе жизни.

– Я чувствую себя такой легкой, воздушной! – восторжен-

но верещала Ника.

– Как беже? – не могла удержаться от сарказма я.

– Сама ты беже. Как балерина Анна Павлова.

Она попыталась встать на цыпочки и покружиться.

– Один в один, – сказала я.

А потом она стала угощать меня ужином. Я ничего не имела против салата с кедровыми орешками, но от пророщенной гречки и неаппетитной зеленой жижи из авокадо категорически отказалась.

– Мне тоже сначала не нравилось, – призналась Ника.

Ни за что не поверю, что сейчас ей это нравится. Особенно жиж. Хотя сама она, похоже, в это верит. Ну что ж, любовь зла, об этом все знают. И можно полюбить какое угодно травоядное животное, и даже самой попытаться стать такой же травоядной.

И пусть бы она себе ела разные сорняки, раз это делает ее счастливой. Я бы не возражала. Вот только я абсолютно уверена в том, что счастье это продлится недолго, и в самое ближайшее время она будет рыдать у меня на плече, проклиная злосчастливого Эдуарда, ради которого так старалась, а он не оценил. Я давно поняла – из личного опыта и наблюдения за окружающими – что отношения, в которых один из участников изображает того, кем на самом деле не является, обречены на провал. Природа все равно возьмет свое.

Ника обожает итальянскую кухню, а итальянцы отнюдь не сыроеды. Без пиццы и спагетти она долго не протянет. Да и

не в пище дело. Клевать зернышки, глядя на закат, а потом в девять вечера ложиться спать – это точно не ее. Моя подруга любит веселиться до утра, спать до обеда, а после обеда, в промежутках между интенсивной работой над проектами, писать мне сообщения с умопомрачительными планами на ближайшие и следующие выходные.

В общем, уходила я от Ники не в лучшем настроении, без зонта и без мира в душе. На полпути меня застал дождь. Если бы я не была так погружена в мысли о Нике и ее будущих разочарованиях, то, может, заметила бы, что тучи сползли с гор и угрожающе нависли над городом. Но я проморгала тот момент, когда еще можно было зайти в ближайшее кафе или спрятаться на остановке и вызвать такси.

Дождь шел всего полминуты, а я уже была абсолютно мокрая, как лягушка в пруду. Платье прилипло к телу, волосы к лицу и спине. Пока что мне было тепло, но я знала, что очень скоро начну стучать зубами. Дождь хоть и летний, но довольно прохладный, да еще и ветер дует с моря. Зря я все-таки не взяла зонт.

Как назло, поблизости не было никакого укрытия – я как раз дошла до пустынного начала набережной, где нет ни одной, даже самой захудалой, кафешки и вообще ничего с крышей. Хотя... кое-где спрятаться все же можно. Я вспомнила, что над одним из спусков к морю есть навес. Небольшой, но вряд ли там сейчас аншлаг, так что для меня местечко должно найтись.

До навеса было еще метров двести, так что я побежала, хлюпая босоножками по лужам и мечтая о горячей ванне, в которую я непременно залезу, как только окажусь дома. И возьму с собой большую чашку чая с медом. Нет, лучше бокал с горячим глинтвейном. Литровый.

Дождь, как будто обиравшись на мои мысли, припустил еще сильнее. Стена из воды была такой плотной, что я ничего не видела на расстоянии вытянутой руки. Поэтому и его заметила только в тот момент, когда с разбегу влетела под навес. Вернее, даже не увидела, а почувствовала – я попросту в него врзалась. Он издал какой-то звук, вроде «ой», видимо, не ожидал моего стремительного появления из-за пелены дождя.

– Извините, – пробормотала я, переводя дух.

– Да ради бога, – он уже не только пришел в себя, но и успел, не особо скрываясь, окинуть взглядом мое прилипшее платье.

Я тоже его оглядела, безо всякого смущения. Почти сухой, высокий, в белых кроссовках, художественно рваных штанах и джинсовой куртке. Самоуверенная улыбка властелина мира, элегантно взъерошенные волосы, бледная кожа. Видимо, приехал отдыхать совсем недавно.

Я отвернулась, чтобы полюбоваться морем. С таким же успехом можно было смотреть в любую другую сторону, видно все равно ничего не было. А куда девать глаза, когда оказываешься на крошечном сухом пятачке посреди бушующей

стихий, лицом к лицу с незнакомым человеком? В лифте люди обычно смотрят в стену или достают из кармана телефон.

– Прекрасная погода, не правда ли? – О, похоже, он решил начать светскую беседу. Главное, тему выбрал самую традиционную.

– И не говорите, – отозвалась я в том же тоне. – Замечательно освежает. А вы давно приехали на отдых? – Теперь моя подача. Нет, ну а что? Не молчать же, насупившись, как сыч.

– А почему вы так уверены, что я приезжий?

– О, это совсем не трудно определить. У вас брюки в носки заправлены. Местные так не носят.

Он опустил глаза вниз и рассмеялся.

– Один-ноль.

Я, вообще-то, не играю.

Дождь в центр площадки под навесом не попадал, зато ветер гулял беспрепятственно. Еще немного – и я начну стучать зубами вовсе не в переносном смысле. Может, снять босоножки и рвануть бегом домой? Добегу минут за пятнадцать, а там – горячая ванна... Я мечтательно вздохнула.

А потом вздрогнула – от его прикосновения. Он накинул мне на плечи свою почти сухую джинсовую куртку. Я так замечталась о горячей ванне, что даже не заметила, как он ее снял. А руки у него теплые. Значит, еще не замерз, так что отказываться не буду.

– Не стоило беспокоиться, – вежливо произнесла я. – Я

начну синеть не раньше чем через пять минут.

– Вы слишком самонадеянны. У вас губы уже синие. Меня это тревожит.

– Большое спасибо.

Его лицо с самого начала показалось мне знакомым, но последние сомнения рассеялись после того, как я увидела татуировки: на одном плече какая-то извилистая загогулина, возможно, хвост существа, скрытого футболкой, на другом – угловатые узоры, образующие широкий браслет. Точно, это наш постоялец из люкса на шестом этаже. Я бы сразу его узнала, если бы при предыдущей встрече смотрела в лицо, а не разглядывала художественные изображения на руках. Правда, я видела его только сбоку и со спины, но, тем не менее.

Значит, я не ошиблась. Он, действительно, приехал только вчера. А еще я знаю, что он живет в Москве, а родился то ли в Самаре, то ли в Саратове. Все это мне пришлось самой переносить из журнала в компьютер, так как Светлана, сменщица Марины, отпросилась вчера к стоматологу. Правда, я точно не помню, как его зовут. То ли Алексей, то ли Александр. То ли вообще Афанасий.

– А вы тоже здесь отдыхаете? – спросил он.

– Вроде того. Давайте лучше поговорим о вас.

– Обо мне? – он искренне удивился.

– Вот, например, откуда вы приехали? Я легко могу это угадать.

– По носкам?

– Почти. По кроссовкам. В белых кроссовках «Reebok» ходят преимущественно москвичи.

– Да ладно.

Он снова уставился на свои ноги.

– А вы, наверное, из Питера. Только питерцы испытывают к москвичам такую ничем не прикрытую неприязнь.

А что, он почти угадал. Я, и правда, училась в прекрасном городе на Неве четыре незабываемых года.

– Но только не я и не к вам. Вы же не настоящий москвич.

– Почему это?

– Потому что родились вы в другом месте. В городе на большой реке.

Вроде, и Самара и Саратов стоят на Волге.

– Вы гадалка или ведьма? – поразился он.

Я только хмыкнула. Что-то меня понесло. Надо притормозить. Этот дождь собирается когда-нибудь заканчиваться? Я нетерпеливо посмотрела на небо. Потом достала из сумочки телефон, который, к счастью, не промок и нормально функционировал. Так, прогноз погоды. По часам. В восемь дождь, в девять сильный дождь, в десять тоже дождь.

Я изо всех сил старалась отодвинуться от него подальше, но как только расстояние между нами увеличивалась, у меня начинала мокнуть спина или бок – навес не мешал брызгам лететь со всех сторон. Видимо, он все время наблюдал за моими тщетными попытками. Хоть я и не поднимала глаз от

телефона, зарывшись в соцсети, но слышала с его стороны что-то вроде приглушенных смешков.

Ну все, пора уходить. Обычно такие сильные ливни долгими не бывают, но этот, видимо, какой-то особенный. Его куртка, поначалу приятно теплая, давно намокла от брызг и совершенно не греет. Надо собраться с духом и бежать домой.

Засунув телефон в сумку, я подняла глаза и чуть не отпрянула назад. Потому что он в один шаг преодолел разделявшую нас нейтральную территорию. Через мгновение я почувствовала его дыхание на своем лбу, а руки на талии.

– Ты совсем замерзла, – прошептал он мне в ухо.

– Это не повод меня лапать, – я попыталась освободиться от его рук.

– Да ладно тебе. Я теплый, а тебе нужно согреться, иначе дело может дойти до воспаления легких.

Он, и правда, был теплый. Даже горячий. А я, и правда, очень-очень замерзла.

– У меня не бывает воспалений легких, – сообщила я.

Еще минутку погреюсь и пойду.

Но он не дал мне минутки. Его руки поползли вверх, дыхание участилось, и, кажется, губы уткнулись в висок.

Я отстранилась и посмотрела на него, вложив во взгляд все доступное мне возмущение.

– Да ладно тебе, – его руки не перестали двигаться. – Это же так романтично. Ты, я, дождь.

Я засмеялась. Не мило захихикала, а издевательски заготала. Тоже мне, романтик. Мелодрам насмотрелся или ходил на курсы пикапа? Я выскользнула из его куртки, оставив ее в его руках, и ступила прямо в лужу, под упругие струи дождя. Не такой уж он холодный, этот дождь. А даже если и холодный, мне не помешает остыть.

– Ты совсем чокнутая? – услышала я за спиной. – Вернись! Обещаю быть паинькой.

Я сняла босоножки и зашлепала прямо по лужам, поднимая тучу брызг.

Только в море чувствуешь себя по-настоящему свободной. Вдох-выдох, лазурная синева перед глазами, солнце над головой и безбрежный простор, уходящий за горизонт. Когда я плаваю, то забываю обо всем – о том, что дед снова начал тайком курить (как безмозглый пятиклассник, ей-богу!), что нужно, наконец, серьезно поговорить с Кириллом и что я все еще не решила, как жить дальше. Решу потом. А сейчас – только море, чайки и я.

Полежав несколько минут на воде, я опустила очки со лба на глаза и решила продолжить заплыв, как вдруг увидела моторку с бравыми спасателями на борту. На носу сидел грозный Лапоть, корму украшал собою Ерш. Они гнались за каким-то несчастным, что посмел заплыть за вторую линию буйков.

Тех, кто заплывает за первый ряд красных шариков, они

не трогают – пусть себе люди резвятся, чувствуют себя дерзкими нарушителями границ и крутыми пловцами. Но второй ряд, оранжевый – это уже запретная зона. Здесь носятся катера и скутеры, и есть реальная опасность остаться без головы. Я тут плаваю только потому, что хорошо знаю, где можно пересекать водную трассу, а где нет, и перемещаюсь, в основном, вдоль обочины. Ну и еще потому, что на меня легче махнуть рукой, чем постоянно вылавливать и водворять на берег.

Я приблизилась к ним в разгар разъяснения правил и выяснения отношений.

– То есть для кого-то это запретная зона, а для кого-то нет? – удивлялся пловец.

– Хочешь, чтобы тебе полбашки мотором оторвало? – кипятился Ерш.

– То есть это опасно?

– А то.

– А почему она здесь плавает? – он кивнул на меня.

Опять он! И пока меня не узнал, что неудивительно – очки закрывают пол-лица.

– Так это ж Русалка, кто ей запретит, – буркнул Ерш.

Глаза пловца чуть не выскочили из орбит.

– Кто? – обалдело переспросил он, косясь в мою сторону.

– Не кто, а где, – оборвал его Лапоть. – Ты сам обратно поплывешь или тебя выловить багром? – Он помахал выше-

упомянутым крючковатым орудием.

– Русалка? – все еще недоумевал пловец.

Да, некоторые именно так меня называют. Хотя мое имя по паспорту – Руслана. Мама придумала, очень оригинальная женщина. Я предпочитаю зваться Ланой, но друзья и враги часто зовут меня Рустиком. Я не отзываюсь.

Помахав рукой спасателям и их жертве, я развернулась и поплыла в сторону заходящего солнца. На берег мне еще рано.

– Ну, значит, взял я одеяло и повел ее на крышу. Звезды, романтика, все дела. Жарил ее до утра, вообще не выспался. – Ерш широко зевнул. – Сегодня лягу часов в девять.

Еще один романтик из клана неугоминых охотников. Как они осточертели!

– Вот ты зараза, – произнес он, увидев меня.

– Чего это?

Я остановилась, взяла висевшее на перекладине спасательной вышки полотенце и стала вытирать волосы, с которых капала вода.

– Специально, что ли, за буйками маячишь, когда мы нарушителей вылавливаем?

– Вообще нет. Совпадение.

– Сегодняшнего-то чуть Кондратий не хватил, когда я сказал, что ты Русалка.

Ерш захихикал, Лапоть расплылся в улыбке.

– Ну а что: волосы подходящие, купальник зеленый, да еще и хвостом машешь. Ты, вроде, в лапах была?

Я неопределенно махнула рукой. Что касается лап, у меня есть свой секрет, но Ершу и Лаптю знать его не обязательно.

– Слушай, а что ты делаешь сегодня вечером? – предпринял свою ежедневную попытку Ерш, изучая крой моего купальника.

Купальник у меня, кстати, очень скромный, спортивный, ничего не подчеркивает. Я в нем даже слегка на мальчика похожа. И он вовсе не зеленый, а изумрудный.

– Пойду с тобой на крышу звезды смотреть, – съязвила я. – Выспись уже. У тебя с начала лета мешки под глазами, как у шарпея. Смотри, загнешься от истощения.

– Я полон сил, как свежий огурец! – прокричал Ерш мне в спину.

Лапоть добавил еще что-то, чего я не слышала и слышать не хотела, и они громко заржали.

– Нет, ну не может этого быть!

А я про него уже совсем забыла. Неужели он сидел тут и ждал целый час? Или даже больше. Я, когда плаваю, вообще забываю о времени. Хотя, почему ждал? Это же пляж, тут люди загорают. Это я не люблю лежать на солнце, поплаваю и сразу ухожу, а приезжие обожают подставлять бока ультрафиолетовым лучам.

Я вздохнула и молча прошла мимо. Может, если не обращаться на него внимания, все как-то само рассосется? Утренний запал прошел, читать ему нотации не было никакого настроения.

Он, к сожалению, не растворился в воздухе, а, наоборот, догнал меня.

– Третий раз за одни сутки – это точно судьба, – сказал он и пошел рядом, приноравливаясь к моему темпу.

– Судьба – это так романтично, – скривилась я.

– Не в настроении?

– Устала.

– Еще бы, не устала. Ты же плавала как заведенная два часа кряду. Я, конечно, не знал, что это ты. Думал: может, и правда, Русалка. Мало ли кто в этом вашем Черном море водится.

Я хмыкнула.

– Я прямо со страхом ждал, когда она, то есть ты, из воды выйдет. А вдруг бы у нее был хвост?

– И как бы в таком случае она, то есть я, вышла бы?

– Ну, видимо, никак. – Он развел руками. – А раз вышла, значит, не нечисть.

– Уверен?

– Не-а. Разве с тобой можно быть в чем-то уверенным? Ты вся такая внезапная. То под холодный дождь сиганешь, то в подсобку затащишь и заставишь в окно прыгать.

– Ну, извини.

– Да ты что! Я в восторге.

Отель неумолимо приближался, пора было что-то предпринимать.

– А ведь я тоже неплохо плаваю. Очень даже неплохо, – выдал он.

Я посмотрела на него с недоверием.

– Да правда! Я в детстве в спортивную плавательную школу ходил. У меня даже был какой-то там разряд.

– Хороший мальчик.

Он сделал вид, что не заметил моего сарказма.

– Если бы не эти троглодиты, я бы тебя легко поймал за хвост.

– Не думаю.

– Спорим?

А что, хороший способ отвязаться от него раз и навсегда.

– А каковы ставки?

– Если я тебя догоню, ты пойдешь со мной на свидание.

– На романтическое?

– Это уж мне решать. Я же победитель.

Ага, держи карман шире.

– А если ты меня не догонишь?

– Ну, я не знаю... Ты не пойдешь со мной на свидание.

– Это само собой. А ты до конца своего отпуска ни разу не подойдешь ко мне. И никак, ни прямо, ни косвенно, не будешь мне докучать.

– О! Ничего себе. Очень высокие ставки. Если я проиг-

раю, это будет прямо-таки полное фиаско.

– Испугался?

– Я хорошо плаваю.

– Не сомневаюсь.

– Дистанция – километр. Или около того.

– Согласна.

– Ну, тогда по рукам.

Он протянул руку, я протянула свою. Его рука была теплой, рукопожатие крепким и чуточку более долгим, чем того требовали обстоятельства.

– У тебя рука ледяная. Замерзла?

– Нет. Просто у нас, русалок, кровь холодная. И зеленая.

– Видимо, поэтому, вас русалок, так и хочется согреть...

– Встречаемся на этом самом месте завтра, в семь утра, – перебила его я.

– Во сколько? – он даже остановился.

– Ты же не хочешь, чтобы тебя вылавливали багром? Спасатели приходят к восьми. Неявка приравнивается к проигрышу.

– А-а, это...

– Сегодняшний вечер я посвящу моральной подготовке к заплыву. Тебе советую сделать тоже самое. И лечь спать пораньше. Так что спокойной ночи!

Я прибавила шаг и свернула к служебному входу.

– Эй!

Не очень вежливо, но я оглянулась.

– Как тебя зовут?

– Ты слышал.

Глава 2

Я поднялась на чердак и принялась. Ну, точно. Опять курил. Ну, что с ним будешь делать?! Знает же, что нельзя, что снова может быть приступ. Врач ему тогда ясно сказал: хотите еще пожить, бросайте. Он, вроде, согласился, но надолго его не хватило. Тайком покупает сигареты и курит на чердаке, скрываясь от меня. Как мальчишка, ей-богу!

– Вынюхиваешь? – дед появился у подножия лестницы.

– Ты бы хоть менял явки и пароли. Палишься же.

– Ругаться будешь?

– Буду, но попозже. Сначала в душ схожу.

– Давай. А я пока чай заварю. И картошку с грибами разогрею.

– Ага.

Главное преимущество моей квартиры – вид из окон. В него входит не только сливающееся с горизонтом море, но и кусочек набережной, сквер, две улицы и многочисленные красные крыши домов, прибавляющие виду живописности. Сидеть на балконе и любоваться можно в любое время: днем – бирюзовым морем, ночью – россыпью огней.

У нас с дедом общий коридор, но квартиры отдельные, почти одинаковые – кухня-гостиная, спальня и ванная. Только у меня одна спальня, а у деда, кроме своей, есть запасная,

гостевая. Раньше здесь была одна большая квартира, где жили дед с бабушкой и почти все время я. Но после смерти бабушки дед все перестроил, и гостиницу, и свое жилье.

Я тогда училась на первом курсе, мама уехала с очередным ухажером, так что он остался совсем один. Нас всех потрясла внезапная смерть бабушки, но дед был просто сломлен. Помню, приехала я однажды на выходные, а его нет дома. Оказалось, что он перебрался в один из номеров. Объяснил, что просто не может находиться в своей квартире, где каждая мелочь напоминает о бабушке и у него каждую секунду разрывается сердце. Вот тогда я и предложила ему все переделать.

Я забрала его на месяц в Питер, а в это время рабочие, под руководством его друга, вынесли мебель и снесли часть стен. Вернувшись, дед втянулся в работу, на что я и рассчитывала. Такой масштабный ремонт забирает все силы, на печаль и депрессивные мысли просто не остается времени. Тогда он решил, что я буду жить в соседней квартире. Помнится, я была не совсем уверена, что так и будет, но перечить не стала.

В итоге дед оказался прав: пожив в разных местах, я вернулась в свой родной город, потому что только здесь я чувствую себя в своей стихии. Без моря, гор и свежего воздуха я просто чахну. Может, во мне, и правда, есть что-то от русалки?

Перед ужином я успела спуститься вниз, в ближайший магазинчик. То, что я там купила, должно было произвести неизгладимое впечатление на деда. Я надеялась, что он даже бросит курить.

За ужином дед, как бы между прочим, спросил:

– А что нужно было от тебя этому уголовнику?

– Какому уголовнику? – не поняла я.

– Ну, этому, белобрысому, в наколках.

А-а, теперь понятно, какому.

– Не думаю, что он уголовник. Просто сейчас модно делать татуировки.

Скорчив презрительную мину, дед выказал свое отношение к подобной моде.

– Все в порядке, – успокоила его я. – На мою честь он не покушался. Так, спросил что-то. Не помню даже, что.

– Не нравится он мне.

– Может, выселим его из отеля? Так и скажем: что-то ты нам не нравишься. Мне кстати, еще пара постояльцев не по вкусу.

Дед хмыкнул. На этом мы закрыли тему.

После ужина я, под удивленным взглядом деда, достала из кармана сигареты и зажигалку. Его взгляд стал просто ошарашенным, когда я вставила сигарету в рот и прикурила. Может, не очень умело, но эффект был достигнут. В горле деда что-то булькнуло, как будто он подавился готовыми вырваться словами.

– Эт-то... Эт-то еще что? – впервые слышу, как он заикается.

– А что? – я невозмутимо затянулась еще раз. В горле адски запершило, и мне пришлось приложить все силы, чтобы не закашляться и не испортить впечатление.

– Вот, значит, ты как... – дед постепенно осознал значение моего поступка.

– Да. Ты куришь – я курю. Бросишь – и я брошу.

– Ну ты...

– Зараза?

– Именно! Не будь бы моей внучкой, я бы выразился покрепче.

– Давай, не стесняйся.

Дед выдернул сигарету из моего рта и выбросил в мусорное ведро.

– Меня не обмануть, – сказала я. – У меня нюх как у ищейки, ты же знаешь.

– А упрямство – как у ослицы, – добавил дед.

Три новых сообщения и все – от моих бывших однокурсниц. Снова собираются устроить встречу выпускников. Каждый год одно и то же, и как им не надоело? Я, как всегда, напишу что-то невнятное, вроде: буду очень стараться, может, и получится, если карты лягут и рак на горе свистнет. Но он не свистнет. Я не поеду.

Они это знают, я это знаю, почему бы им не прекратить

тратить трафик на бесполезные сообщения? Вон, Ксюха целую поэму накатала, даром что работает менеджером в турагентстве. О том, как в прошлый раз было весело, и как они все по мне соскучились и о том, что надо хоть иногда проявлять дружескую солидарность и коллегиальную сплоченность. И ни слова – о настоящей причине моих отказов. Ну что ж, я тоже об этом деликатно промолчу. Деликатно или трусливо? Мне больше нравится первый вариант.

Как я и предполагала, это был хвост. Остальные части тела огнедышащего монстра раскинулись на плече и, частично, на спине.

– Нравится? – он повернулся ко мне спиной.

– А тебе?

Он пожал плечами.

– Не особо.

– Тогда зачем?

– Не помню. Пьяный был.

Как ни удивительно, он был на месте даже раньше меня. А я чуть не проспала. Вот был бы номер, если бы так случилось! Будильник-то я услышала, но вылезать из теплой постели жуть как не хотелось, я на секунду закрыла глаза, а очнулась только через двадцать пять минут.

Ночью меня одолела бессонница, так что желанной утренней бодрости не было и в помине. Я жалела, что все это затеяла, мечтала отменить бесполезное соревнование (и так яс-

но, что я выиграю) и снова завалиться спать. Пришлось собрать всю волю в кулак и вытащить себя за шкурку из постели. Я едва успела натянуть купальник и почистить зубы! Когда я выходила из квартиры, стрелка неумолимо приближалась к семи.

– Еще минута – и я засчитал бы тебе поражение, – радостно сообщил он.

Бодрый, улыбающийся, аж противно. Я ничего не сказала, молча пошла вперед, бросив на него хмурый утренний взгляд, который, как я знаю от деда, напоминает взгляд невыспавшегося василиска.

– Опять не в настроении? – Он догнал меня и пошел рядом. – Плохо спала?

Я не собиралась делиться с ним деталями столь интимного свойства.

Долго оставаться хмурой в такое прекрасное утро невозможно, как ни старайся. Солнце, пока еще нежное и ласковое, греет плечи, море, гладкое, как зеркало, переливается в его лучах. Птички снуют туда-сюда и что-то щебечут. К тому моменту, как мы пришли на пляж, мне и самой хотелось махать крылышками и весело щебетать. Но я сдерживалась.

И тут он снял майку, чтобы продемонстрировать огнедышащего дракона и прокачанные мышцы. Ну и чтобы зайти в воду, как это принято, в одних плавках. Я уставилась на дракона, бицепсы с трицепсами меня не интересуют. Ничего такой зверь, высокохудожественный.

– Готова? – спросил он. – Тогда пошли.

Вообще-то, тут я командую.

– Предлагаю плыть вдоль второй линии буйков, – сказала я. – Заходим здесь, пересекаем первую линию, доплываем до второй и поворачиваем налево. Видишь вон там, вдалеке, большую полосатую штуку?

– Красно-белую?

– Ага. Это маяк, он вечером горит. Доплывешь до него? Тут километра полтора будет.

– Без проблем.

Он начал размахивать руками, вертеть головой и растягивать мышцы ног. Я заплела волосы в косу, чтобы не мешали, и надела очки.

– Жаль, не успел очки купить.

– Да там смотреть особо не на что.

Вообще-то мне его забывчивость очень даже на руку.

– Ты поплывешь с внутренней стороны буйков, ближе к берегу, я – с внешней. Устраивает? Линию буйков не пересекай, терпеть не могу, когда кто-то под ногами путается.

– Э-э... ну ладно.

– Могу дать тебе фору минуты три. Или даже пять.

– Так в себе уверена?

Вообще-то, да. И тому есть причины.

– А вдруг я очень хорошо плаваю? Не может такого быть? – внезапно распалился он.

Мужчины и их честолюбие! Не может и мысли допустить,

что его обгонит слабая хрупкая девушка. Обгонит-обгонит, готовься быть поверженным в прах, как сказал бы полководец Александр Македонский или какой-нибудь из его коллег.

– Значит, ты прямо-таки отличный пловец?

Он кивнул.

– А выиграть хочешь?

– Спрашиваешь, – его губы растянулись в улыбке. – Ставки-то высоки.

– Тогда что тебя не устраивает? Плыви давай.

Мы вошли в воду, и он поплыл. Хорошо поплыл, надо сказать. Правильным таким кролем, размеренно, без суеты. Обычно неопытные пловцы рвут на старте, а потом выдыхаются. Но он, похоже, не из таких. Начал хорошо и по всему видно, что продолжит в том же духе. Он даже мог бы меня обогнать. Я ведь не так уж и быстро плаваю. Могу плыть долго, даже очень долго, но скорость у меня не спринтерская, все же в спортивных школах я не обучалась.

Есть большая вероятность, что он придет первым и выигрывает пари. Вернее, была бы, если бы не мой секрет. У первого буйка второй линии, на глубине полутора метров, специальным морским узлом привязаны мои ласты. Когда я их надену, у него не будет ни единого шанса.

Через пять минут я вынырнула с ластами в руках. Он ушел вперед метров на двести, это немало, но теперь не критично.

На меня не смотрит, плывет, старается. Да и не разглядел бы он ничего на таком расстоянии. Теперь важно проплыть мимо него, не сверкая ластами. Просто замечательно, что у него нет очков. Если бы были, мне пришлось бы туго. Но я бы что-нибудь придумала, например, другие правила заплыва, предписывающие ему держаться от меня еще дальше.

Я тоже плыла кролем – так легче спрятать ласты, да и быстрее. Увидев, что я приближаюсь, он засуетился. Замахал руками быстрее, попытался увеличить темп. Это серьезная ошибка, так он выдохнется задолго до финиша. Но его скорость реально выросла, я минут десять не могла его обогнать, несмотря на использование запрещенных в честном спорте приемов.

Естественно, по прошествии приблизительно пятидесяти минут, я оказалась у маяка первой. И даже успела снять ласты и привязать их к тросу, идущему к якорю. Нырять пришлось глубоко, у меня даже уши слегка заложило. Только я закончила свою преступную деятельность, как появился он. Злой, уставший, с высунутым языком и выпученными глазами. Прицепился к маяку, дышит, как загнанный конь. Мне даже жалко его стало.

– Клянусь, я видел у тебя хвост, – выпалил он, слегка отдышавшись.

Я похолодела. Неужели спалилась? Да нет, он просто шутит.

– Ты, и правда, русалка или какая другая нечисть. Люди

так быстро не плавают.

У меня отлегло от сердца.

– Я предупреждала, – скромно потупилась я.

– Рада победе?

– А то.

На самом деле, что-то мне не очень радостно. Совесть, что ли, проснулась? Очень неудобная штука, вылезает в самый неподходящий момент.

– Мне прямо сейчас перестать тебе докучать?

Так и видно, как у него зубы сводит от досады. Я попыталась пожать плечами, но вышло как-то смазано, все же мы торчали в воде, ухватившись за железный обод маяка.

– Можешь подождать до того момента, как мы выберемся на сушу, – смилостивилась я.

– О! Так, может, останемся тут до вечера? Или даже до утра?

Он подмигнул. Это у него вышло так же плохо, как у меня пожимание плечами.

– Можно, конечно, – кивнула я. – Но, боюсь, к тому моменту мы плавники отморозим.

– Вода-то теплая! – удивился он.

– Но все же не 36,6. Кровь постепенно остывает, и буквально через пару часов начинаешь стучать зубами. Я проверяла. Особенно, если не двигаешься и висишь на буйке, как водоросль. Так что пора плыть обратно. Доплывешь?

– А что, похоже, что я устал?

Вообще-то очень похоже.

– Наоборот. Это я устала, слишком быстро плыла. Не знаю, как доберусь до берега.

Надо же объяснить неожиданное замедление своего темпа.

– Может, тогда еще отдохнем?

– Я просто буду двигаться не спеша, без напряжения. А ты плыви как тебе удобно.

– Неужели я брошу даму одну, посреди океана?

– Я не дама, я русалка в своей стихии.

Мы поплыли. Я, имитирующая усталость, и он, уставший по-настоящему. Он плыл кролем на спине, я – брассом, своим любимым стилем. Прошло не больше пяти минут, когда я заметила, что он перевернулся и как-то странно машет руками, как будто ему что-то мешает плыть. Я переместила очки на лоб и подплыла к нему.

– Проблемы?

– Ногу свело. Сейчас отпустит.

Да, это проблема. И далеко не всегда сразу отпускает.

– Постарайся ее расслабить. Ляг на спину, медленно поводи ногой из стороны в сторону.

Он покосился на меня с недоверием, но инструкции выполнил. Правда, результата это не дало. Значит, будем пробовать другие способы.

– Теперь выпрями сведенную ногу и изо всех сил тяни носок на себя. Лучше, если ты ухватишься за пальцы ноги

рукой. Как у тебя с гибкостью?

– С гибкостью нормально, а вот с плавучестью при таких кульбитах не очень.

Он пытался держаться на плаву, работая одной рукой и ногой, и при этом вытягивая оставшиеся конечности. Это довольно сложно, даже у меня с трудом получается. Но зато всегда помогает. Ему, похоже, не помогало.

– Обопрись о мое плечо и тяни носок сильнее.

– Я тебя утоплю.

– Делай, что тебе говорят.

Он аккуратно положил ладонь мне на плечо и повторил упражнение. Сначала он пытался не давить, но, так как обе руки были заняты, и грести было нечем, ему, в итоге, пришлось переместить на мои хрупкие плечи весь свой вес. Хорошо хоть в воде человек весит меньше, на суше я бы этого не выдержала.

Я изо всех сил работала ногами, чтобы удержать на поверхности нас обоих, он пытался, старательно оттягивая носок. По его глазам я видела, что боль не отпускает. У меня такое случается редко, но метко. Как-то раз пришлось целый километр плыть на одних руках, кусая губы от боли. Надеюсь, сейчас не такой случай.

– Где конкретно свело? – спросила я, когда он, отчаявшись добиться результата, оставил попытки.

– В нижней части икры.

Это плохо. У меня обычно сводит стопу, с этим бороться

легче. А сведенную икру, насколько я знаю, нужно уколоть булавкой. К сожалению, я этим колющим инструментом не запаслась. Он, вероятно, тоже.

– Булавки у тебя, конечно, нет.

Он только хмыкнул.

– Ладно, попробуем крайнее средство, – решила я.

– Что такое? – он насторожился.

Видимо, по моему лицу он догадался, то ничего хорошего моя решимость не сулит.

– Не дрейфь, моряк, – произнесла я странную фразу, надела очки и погрузилась в пучину.

Действовать надо было быстро, пока он не разобрался, что к чему. Эффект неожиданности тоже может сыграть свою роль. Это как при икоте – если внезапно напугать, может, и отпустит. Я резво подплыла к его ноге, не дав себе времени на раздумья и колебания, и впилась в нее зубами. Не укол булавкой, конечно, но тоже болевой прием. Я слышала, иногда такое срабатывает. Он, естественно, от неожиданности дернулся, но я была к этому готова и увернулась от его колена, метившего мне в висок.

Вынырнув на поверхность и сняв очки, я застала совершенно неожиданную картину: он хохотал. Ну, хоть не рыдает. Приложила я зубами знатно, так что такой вариант был возможен. Видимо, сработало.

– Нет, ну ты просто прелесть, – выдал он, отсмеявшись. – Никак не ожидал, что ты цапнешь меня за ногу. Думаешь,

это похоже на укол булавкой? Да ты клок мяса вырвала, чисто акула.

– Акула бы ногу откусила, – оборвала я поток его излияний. – Помогло?

– Вполне могло бы помочь, – произнес он и многозначительно замолчал.

– Так помогло или нет?! – разозлилась я.

– Ты меня не за ту ногу куснула.

Тут уж приступ нервного истерического смеха одолел меня. Он наблюдал за мной с совершенно невозмутимым видом, медленно гребя обеими руками. Нет, ну надо же так опростоволоситься!

– Будем повторять процедуру? – спросил он.

– Придется. Только не говори, что тебе понравилось.

– Ну, сама интимность процесса, конечно, в определенной степени приятна... – начал он.

– Заткнись!

Я надела очки, нацелилась на этот раз как следует, снова нырнула и на секунду впилась зубами в еще не покусанную ногу. В этот раз он не дернулся.

– Ну? – спросила я, выныривая.

– Э-э... Пока ничего.

Ну, значит, мой позор был напрасным. Если помогает, то сразу.

– Может, вернемся к маяку и еще что-нибудь попробуем? Такое, что поможет расслабиться?

Направление его мыслей не вызывало сомнений.

– На тебя укусы так возбуждающе действуют?

– Ну... не знаю. Возможно. Раньше я ничего подобного не пробовал. Люблю новые ощущения.

– Ты вообще как планируешь до берега добираться?

– Доковыляю как-нибудь. Руки-то целы. И одна нога работает.

Все так. Доплыть можно и на одних руках, если плавать умеешь. Но он, видимо, еще не заметил того, что вот уже десять минут напрягает меня. Погода меняется. Когда наш заплыв начинался, светило солнце и море было безмятежным и гладким, как зеркало. Сейчас небо застилают неизвестно откуда взявшиеся тучи, а водная поверхность начала потихоньку колебаться. Это волны. Возможно, даже будет шторм. Вряд ли серьезный, но все же человеку с неработающей конечностью плыть среди волн непросто. Особенно ближе к берегу, где они разбиваются на мелководе и буйствуют.

Так что к буйку вернуться все же придется – мне одной, чтобы взять ласты, довершить тем самым свой позор, но зато помочь незадачливому спортсмену выплыть. Как бы я к нему не относилась, вылавливать потом, вместе со спасателями, баграми его бездыханное тело совершенно не хочется. А в ластах мне гораздо легче будет удерживаться на плаву и, при необходимости, тащить его на берег.

Я не собиралась пугать его раньше времени, но, видимо, по взглядам, бросаемым мной на небо и в сторону берега, он

догадался, что что-то не так.

– Что, сейчас какая-нибудь ерунда начнется, вроде шторма?

– С чего ты взял?

– Небо потемнело, и вода заколыхалась.

– Ну, шторм – не шторм, а какая-то ерунда точно начнется. Так что мы поплывем не обратно на пляж вдоль буйков, а по прямой к берегу. Тут метров восемьсот. Но сначала я вернусь к маяку.

– Зачем?

– Надо.

– Жди меня здесь или потихоньку плыви вон туда, – я махнула рукой в сторону суши. – Я тебя скоро догоню.

К тому времени, когда я, уже в ластах, оказалась рядом с ним, волны разошлись не на шутку. Пока я плыла, его голова то появлялась над поверхностью, то исчезала за очередным гребнем. В какой-то момент ритм нарушился: волна схлынула, а его не было видно. Я по-настоящему испугалась. Вообще-то утонуть при таких обстоятельствах сложно, но кто его знает, вдруг у него и вторую ногу свело, и обе руки заодно. Когда белобрысая макушка все же показалась над водой, у меня отлегло от сердца. Никогда бы не подумала, что буду так радоваться виду его мокрой головы!

– Привет, – сказала я, выныривая рядом с ним.

– О, ты вернулась.

Он по-прежнему греб только руками и прихрамывал на

одну ногу, если можно так выразиться о пловце.

– Не полегчало? – спросила я, хотя и так было видно, что нет.

– Как-то не особо. Но зато волны такие прикольные, раскачивают, как в гамаке.

Ну что ж, я рада, что он не впадает в панику.

– Ага, прикольные, – согласилась я. – Ближе к берегу будет еще прикольнее. Боюсь, придется тащить тебя на себе.

– С чего это? – возмутился он.

– Жаль, что волосы у тебя короткие. Ухватиться не за что.

– Э-э... как бы тебе намекнуть... У меня есть, за что ухватиться.

– Если я ухвачусь за то, на что ты намекаешь, и поволоку тебя за это на берег, боюсь, пользоваться этим ты больше не сможешь.

Он аж скривился, видимо, его воображение нарисовало яркую картину.

Мы плыли в сторону берега, я находилась недалеко от него, так что ласты он должен заметить в течение ближайшей минуты. Мне было очень не по себе. Моя победа сейчас превратится в бесславное поражение, а мое имя будет покрыто несмываемым позором. Ждать разоблачения было невыносимо, так что я решила броситься грудью на амбразуру и признаться. Но тут он мне помог.

– Так зачем тебе нужно было к буйку? Я уж подумал, может, с дельфинами пообщаться?

– Вроде того, – согласилась я. И вытащила ногу в ласте из воды. – Я сама теперь вроде дельфина. Готова к спасению утопающих.

– О! – он удивился, но, кажется, в первый момент не понял значения увиденного. Через несколько секунд до него дошло. – Вот, значит, как...

– Да! – я приготовилась к шквалу едких замечаний по поводу нечестной игры и неспортивного поведения.

Но он ничего не сказал. Мы плыли в полном молчании. Лучше бы он на меня наорал!

Я видела, что плыть ему становится все сложнее. Нога, видимо, болит, руки устали – чтобы выныривать из волн, нужно прилагать в два раза больше усилий, чем при плавании на гладкой воде. Я тоже немного запыхалась, но ласты очень помогали. По сути, у меня было четыре ноги, а него всего одна. Неравное положение.

– Мы уже близко к берегу, – сказала я.

– Я вижу. Метров триста – и я выползу на твердую землю, – радостно сообщил он.

– Радю радуешься, – оборвала его я. – Сейчас начнется самое трудное. У берега волны выше и мощнее. И они будут тянуть назад.

– Да выплыву я.

– Спасателей здесь нет, – продолжала я, – это дикий пляж. Можно было бы доплыть до городского, где мы начинали, но к тому времени шторм будет еще сильнее. И я не уверена,

что Ерш с Лаптем уже на месте.

– По-моему, ты зря паникуешь.

Ему совсем не страшно. Ну да, он же не видел раздувшиеся трупы утопленников, которые как минимум два-три раза за лето вытаскивают водолазы.

– Тебе надо немного отдохнуть перед последним рывком. Положи руки мне на плечи, а все остальное пусть будет на поверхности. Я буду грести ногами, ты просто расслабься.

– От такого я отказаться никак не могу, – заулыбался он.

Вот кретин! Речь о жизни и смерти, а у него одни пошлости на уме!

Надо сказать, держался он за меня довольно деликатно, прижиматься не пытался и руки не распускал. Мне пока что тяжело не было, хотя, когда высота волн увеличится, все будет по-другому.

Ну все, остался самый трудный участок. Берег, вроде бы, совсем рядом, но достичь его гораздо сложнее, чем проплыть километр на глубине. Он уже на себе почувствовал, что такое двухметровые волны, а скоро их высота еще увеличится. В общем-то, я не сомневаюсь в успехе, ласты очень помогают держаться на поверхности. Мы плыли рядом, двигаясь, вместе с волнами, то вверх, то вниз.

– Если что – хватайся за меня, – крикнула я ему сквозь шум волн. – Я в ластах, так что удержу.

– Все нормально, – ответил он, стараясь грести равномерно.

– Осталось немного, – подбодрила я.

Очередная волна, внезапно взмывшая ввысь прямо перед нами, заставила меня надолго задержать дыхание. На секунду я потеряла его из вида, а когда снова увидела, то поняла, что он наглотался воды. Он хватал ртом воздух, отплевывался, пытался отдышаться, но следующий вал не дал ему такой возможности, накрыв его с головой. Вот так люди и захлебываются.

Я метнулась к нему, схватила за плавки и потащила вверх. Он, видимо, совсем потерял ориентацию, беспорядочно колотил руками и ногами, даже заехал локтем мне в лицо. Когда наши головы показались над поверхностью, я больно скрутила ему ухо – не лепить же пощечину, неудобно. Но какое-то болевое воздействие было необходимо, чтобы помочь ему прийти в себя. Он уставился на меня остекленевшими глазами, открывая рот, как рыба.

Наконец-то мы заняли удобную позицию – он одной рукой уцепился за мое плечо, я изо всех сил гребла ластами. Так вполне можно было держаться на плаву. В его глазах появилось осмысленное выражение. Первые слова, которые он произнес, меня ошарашили:

– Так как тебя все-таки зовут?

– Руслана, – представилась я.

– А я Аркадий.

Я, вообще-то, знаю. Посмотрела в журнале.

– Очень приятно, – продолжила я светскую беседу, актив-

но шевеля ластами.

Внезапно я почувствовала, что официально представившийся мне Аркадий стал легче.

– Отпустило? – спросила я.

– Да! – радостно завопил он. – Я и сам не заметил, как.

– Ну тогда и ты меня отпускаяй, и поплыли к берегу.

Он убрал ладонь с моего плеча и поплыл брасом, высоко выпрыгивая из волн и вполне нормально загребая обеими ногами. Хоть я и совсем выбилась из сил, но все же догнала его.

Обычно я снимаю ласты в воде у берега – идти в них практически невозможно, разве что очень медленно и спиной вперед. Но сейчас у меня никак не получалось занять удобную позицию и стянуть плотно прилегающие к стопам ласты – как только я останавливалась, волны сбивали меня с ног. Я даже успела сделать хороший глоток соленой воды, что меня сильно разозлило. Повернувшись спиной вперед, я, как рак, стала пятиться назад, то и дело приземляясь на пятую точку.

Вдруг меня что-то подхватило подмышки, подняло вверх и водрузило себе на плечо, как мешок с картошкой. Естественно, это был он, Аркадий. Как у него еще силы остались на такие подвиги? В любом случае, это была дурацкая идея. Если он сейчас упадет, я треснусь об камень прямо головой, которая болтается за его спиной. Я попыталась сползти с его плеча, в ответ он шлепнул меня по пятой точке и прижал к себе еще крепче.

К счастью, он не упал. Вдвоем мы весили больше, и волнам труднее было сбить нас с ног. Честно говоря, к концу этого недолгого похода меня больше волновало не то, что мы можем упасть, а то, что его руки лежат на самой выступающей части моего тела, прикрытой лишь мокрым купальником. Мне было неловко. Очень.

Как только мы выбрались на берег, я начала дрыгать ногами и толкаться руками, чтобы слезть с его плеча. Он без возражений опустил меня на землю. Оказалось, что у меня трясутся колени, так что, не сопротивляясь силе тяжести, я рухнула на песок, смешанный с водорослями и мелкой галькой. Аркадий приземлился рядом.

Мы оба дышали, как загнанные рысаки, у меня даже не было сил снять ласты. Вот уж не ожидала, что наше легкомысленное соревнование закончится именно так! Вообще-то, финал мог бы быть гораздо более печальным. Все же хорошо, что я смухлевала и использовала запрещенный прием. Без ласт пришлось бы туго.

Я перевернулась на спину. Небо стало совсем темным, клочковатые синие тучи нависли над горами и медленно плыли в сторону моря. Красиво. Наверное, будет дождь. Внезапно тучи исчезли. Вместо них в поле моего зрения появились его глаза. Такие же темные, как небо, и такие же тревожные. В следующую секунду его горячие губы прижались к моим и, совершенно неожиданно для себя, я ответила на его поцелуй.

Это было затягивающее сладостное головокружение, на несколько секунд я потеряла сознание от усталости и перенесенных переживаний, иначе как объяснить мое поведение? Я не собиралась с ним целоваться, но сопротивляться этому нежному напору было невозможно. Но я все же смогла взять себя в руки – в тот момент, когда его губы переместились к шее, а мои стали свободны.

– Эй, – произнесла я строго.

Он не обратил внимания, может, потому, что у меня почти пропал голос. Я отстранилась и сказала громче:

– Хватит.

Получилось как-то хрипло, но он услышал. Затаился, продолжая дышать мне в ухо и прижиматься разгоряченным телом.

– Прекрати, – на этот раз получилось вполне отчетливо.

– Ладно, – прошептал он, не меняя положения.

– Мне жарко, – сказала я.

– Мне тоже, – он продолжал шептать мне в ухо.

Я собрала в кулак всю имеющуюся в наличии волю и отодвинулась от него. И сразу села, так легче избавиться от головокружения. Я ухватила за ласту, потянула – безрезультатно. То ли силы меня совершенно оставили, то ли ласты уже высохли, снять их было невозможно. Придется, видимо, ползти к воде, чтобы намочить ноги и избавиться, наконец, от этих перепончатых лап. Не могу же я идти в них домой.

Аркадий сел передом мной на корточки, схватил за ласту

со стороны пятки и потянул.

– Ай! – вскрикнула я.

– Не «ай», а «ой».

Ему удалось освободить сначала одну, а потом вторую мою ногу. Я пошевелила ступнями. Они слегка онемели, но, в целом, работали вполне исправно. До дома меня донесут. Но сначала нужно дойти до пляжа, забрать полотенце и, главное, ключ, пристегнутый к нему булавкой.

Я поднялась на ноги. Аркадий стоял рядом с моими ластами в руках.

– Устала? – спросил он.

– Мне не привыкать, – буркнула я.

– Постоянно вылавливаешь потенциальных утопленников?

– Периодически.

Вообще-то, это был первый раз.

– Если бы не ты, я бы утонул. По-настоящему.

Что-то он слишком серьезен, мне это не нравится.

– Если бы не я, ты бы вообще туда не поплыл. Так что расслабься.

– Снова кусаешься? Правильно, так мне и надо. Было непростительной вольностью с моей стороны облизывать свою спасательницу.

Я не выдержала и рассмеялась.

– Мир? – с надеждой спросил он.

Я кивнула, и мы пошли в сторону пляжа. Пройти, прав-

да, удалось совсем немного. Через минуту мы увидели, как в нашу сторону, в клубах пыли несется квадроцикл.

– Кто это? – удивился Аркадий.

– Ерш или Лапоть, – сказала я. – Скорее всего, Ерш.

Я не ошиблась.

– Мы пришли – там твое полотенце висит, – стрекотал Ерш, соскочив с квадроцикла и нарезая вокруг нас круги. – И еще какие-то шмотки. В море шторм, а тебя нигде не видно. Я, честно скажу, перетрухнул не по-детски. А Лапоть говорит: «Русалки, мол, не тонут». Чуть морду ему не набил.

– Лапоть дело говорит, – вставила я в его трескотню.

– Ну, я на вышку забрался, смотрю в бинокль – да что там увидишь. Волны, еще волны и ни черта больше. А Лапоть орет: «На берегу поищи». Я посмотрел – и правда ты. На плече у этого, – Ерш неприязненно кивнул в сторону Аркадия.

Тот задумчиво перебирал в руках мои ласты.

– Я сначала подумал – утопла, не дышишь. Потом смотрю – вроде стоишь. Но на ногах не держишься.

Нет, ну что за дурацкая привычка подглядывать за людьми в бинокль! Надеюсь, дальше он не смотрел, а сразу рванул к квадроциклу.

– Ты в порядке? – Ерш встревожено меня разглядывал, и, впервые за все время нашего знакомства, в его взгляде не было ничего от неутомимого охотника.

– Да все нормально. Я просто развлекаюсь.

– Ну ты, блин! Развлекается она! А люди тут с ума сходят!

Он пнул ни в чем не повинный квадроцикл. Это даже трогательно – Ерш сходит с ума от волнения. И не потому, что ему некого тащить вечером на крышу, а потому что я, которая с ним на крышу никогда не ходила и не пойду, могла утонуть.

– Ерш, слушай, успокойся, а? Все нормально. Тонуть – это не мое.

– Ладно. Поехали, до пляжа доведу.

Аркадий протянул мне ласты.

– У меня только одно место, – буркнул Ерш, не глядя на него.

– Ага.

– Дойдешь? – мне почему-то не хотелось смотреть Аркадию в глаза.

– Без проблем.

Я забралась на заднее сиденье квадроцикла, Ерш резко дал газу, так, что мне пришлось крепко за него ухватиться и прижаться, чтобы не вылететь, и заржал. Все возвращается на круги своя.

По дороге мы не разговаривали – даже Ершу с его вечной несмолкающей трескотней было неудобно перекрикивать рычание квадроцикла. Зато когда остановились у спасательной вышки, фонтан его красноречия возобновил свою работу. По его рассказу, адресованному Лаптю, выходило, что он то ли вытащил меня из морской пучины, то ли вырвал

из мохнатых лап неведомого чудовища.

– А где этот м... как его... Ну, с которым ты там...

Лапоть никогда красноречием не отличался.

– Молодой человек, – подсказала я.

– Развлекалась, – подсказал Ерш и махнул рукой. – Мы его там бросили. Сам доползет.

Я сидела на пластиковом стуле, завернувшись в полотенце, и прихлебывала чай из термоса, который нашелся у запасливого Лаптя. Вообще-то в кружке был не только чай, Лапоть щедрой рукой плеснул туда коньяка. Я не возражала – обжигающий напиток приятно растекался от горла к конечностям, согревая, расслабляя и успокаивая. И тут мой взгляд упал на вещи Аркадия. Он же скоро за ними придет – вспомнила я, и засобиравшись домой.

– Спасибо, что подобрали и обогрели, но мне пора.

– Давай я тебя отвезу.

– Тут идти пятьсот метров. Давай.

Я поняла, что идти мне совсем не хочется. Даже пятьсот метров.

– Слушай, – решил Лапоть. – А чего тебя понесло в море в такую погоду?

– Вообще-то с утра погода была вполне нормальная.

– С утра – это часов в семь?

– Ага.

– Тогда еще один вопрос: чего тебе в такую рань не спалось?

Я пожала плечами. И забралась на сиденье квадроцикла. Лапоть вообще-то не очень разговорчивый, но если уж на него нашло – не успокоится, пока не спросит обо всем, что его волнует. Например, откуда взялся мой спутник. Лапоть знает, что я всегда плаваю одна и терпеть не могу, когда кто-то путается под ногами.

– Согласись, я поступила вполне по-дружески: пришла в семь. Так что если бы я утонула, вы бы не были виноваты.

Спасатели трудятся с восьми утра до восьми вечера. Это официальное время работы городского пляжа, указанное на табличке у входа. После восьми вход на пляж закрывается железной цепью. Через нее, естественно, все перелезают и продолжают отдыхать на мягком песочке и плескаться в воде. Кто-то вообще торчит тут целыми ночами. Это их дело. Фишка в том, что администрация пляжа, повесив табличку, юридически снимает с себя ответственность за безопасность курортников. Если кто утонул в неурочное время – сам виноват.

Квадроцикл резко затормозил у заднего входа в отель, я спрыгнула и поправила сползшее полотенце.

– Ты же не собираешься замутить с этим, – Ерш махнул подбородком в сторону моря.

– При всем уважении – а тебе какое дело?

– Других парней, что ли, нету, – недовольно пробурчал Ерш.

– Каких это – других?

– Ну, мало ли...

– Знаешь, что я тебе скажу, дорогой Ершик?

– Что? – он радостно встрепенулся.

– Для рыбы ты необыкновенно болтлив. Пока! И спасибо, что подвез.

Глава 3

Дверь моей квартиры была открыта нараспашку. Странно. Дед обычно с утра ко мне не вламывается. Может, злоумышленники? Я на цыпочках вошла в гостиную, приготовившись, если что, царапаться и кусаться. Но давать волю внутреннему зверю не пришлось – у окна я увидела деда.

– Ты чего здесь делаешь?

Он резко обернулся.

– Руслана!

– Что?

– Ты где была?

– На море, а что?

– В такую погоду?

Я посмотрела в окно. Темно-синие волны с белыми барашками на гребнях догоняли одна другую, небо приобрело серо-зеленый оттенок. Где-то вдалеке сверкнула молния, а через несколько секунд слабо гроыхнуло. Гроза начинается.

– Когда я выходила, было не так страшно.

– И что, ты там, действительно, плавала?

– Побарахталась немного, поболтала со спасателями. А в чем дело?

– В твоём телефоне. Трезвонит все утро, не переставая.

Ты трубку не берешь. Я зашел – а тебя нет. Собрался уже волноваться.

Еще один взволнованный. Я взяла телефон. Семнадцать непринятых от Ники. Даже не сомневаюсь, что это из-за Эдуарда. Он ее бросил. Или она его. Лучше бы второе, меньше будет соплей и неутешных рыданий. Я нажала вызов. Короткие гудки. Ладно, сначала душ, потом – помощь подруге.

После душа я позвонила Нике еще раз. На этот раз гудки были длинными, но трубку она не взяла. Странно. Пробежавшись по отелю и убедившись, что механизм гостеприимства, отлаженный дедом и мной, работает идеально, я снова взяла в руки телефон. Ника не отвечает. Кажется, сегодня очень волнительный день, и теперь пришла моя очередь тревожиться. Я решила звонить подруге в течение получаса, а потом, если она так и не ответит, навеститься к ней домой.

Надо сказать, во время забега по отелю, я испытывала довольно неприятное чувство. Каждый раз, когда я открывала дверь или поворачивала за угол коридора, мне хотелось сначала высунуть голову и посмотреть, нет ли там Аркадия. Я не знала, как вести себя при встрече с ним и предпочла бы вообще не встречаться. Но это могло произойти в любой момент.

Я не люблю прятаться и неприятности обычно встречаю лицом к лицу. Могу даже сама на них нарываться, чтобы не находиться в томительном ожидании. Так что от меня впол-

не можно ожидать, что я пойду, найду его и чего-нибудь ему наговорю, не подумав, как следует. Так что надо крепко держать себя за шкуру. Потому что взрослые рассудительные люди, прежде, чем что-то сделать, думают. Потом ждут, когда пыль уляжется, и думают еще раз. И только после этого действуют. Если к тому моменту ситуация не прояснится или проблема не рассосется сама собой.

Итак, что мы имеем? С одной стороны, я выиграла пари и он должен оставить меня в покое. С другой – я смухлевала, и он об этом знает. Любая непредвзятая судейская коллегия признала бы мою победу недействительной. С третьей стороны – я помогла ему выбраться на поверхность, когда он наглотался воды. Вполне возможно, что без моей помощи в тот критический момент он бы утонул. Хотя не факт, мог и выплыть. В общем, я спасла ему жизнь, так что счет в мою пользу. Но есть еще и четвертая сторона. Если бы не я и не пари, предложенное мной, он бы вообще не оказался в километре от берега, да еще и в отсутствие спасателей. Так что я опять виновата.

Конечно, самым правильным было бы выбросить все это из головы и просто подождать, как будут развиваться события. Но не хотелось бы, чтобы они начали развиваться в неподходящий момент. Например, на глазах у деда. Аркадий ведь даже не знает, что я не гость отеля, а внучка его хозяйина. Как же меня раздражают вещи, которые я не могу держать под контролем!

Оказывается, драгоценный Эдуард предложил Нике съехаться. С чего это он так торопится? Они знакомы всего два месяца. Нормальные парни в это время обычно боятся даже говорить «мы» и давать девушке ключи от своей квартиры. А этот хочет жить вместе. Интересно, в чем подвох? Ему нужна бесплатная домработница? Он боится спать один, а любимый плюшевый мишка потерялся? Его дедушка написал завещание, по которому он получит миллион долларов, если срочно женится, а он на самом деле гей? Так, стоп. Надо придержать свое буйное воображение.

А есть ли подвох? Конечно, есть. Эдуард, весь такой возвышенный и одухотворенный, не понравился мне с первого взгляда. Я ему, кажется, тоже. Потому что у него на глазах ела шаурму. Вообще-то я такое не ем, но тут, узнав, что он веган и сыроед, не удержалась. Он не изображал рвотные позывы, но всем своим видом давал понять, как его утонченной натуре сложно находиться в обществе такого примитивного существа, как я.

Мы тогда прогуливались по набережной, и я сказала, что ужасно голодна и хочу купить шаурмы. Ника начала посылать мне отчаянные сигналы, но я сделала вид, что не замечаю их. Потом мне влетело от нее по первое число. Да, весело было.

После обеда я взяла машину деда и поехала к Нике. Этот мерзкий тип хочет украсть у меня лучшую подругу и замо-

рить ее голодом, а я ничего не могу сделать! А что тут сделаешь? Если я буду ее отговаривать, она обидится. Может, мы даже поссоримся, а это совсем не тот результат, к которому я стремлюсь. Прямое противостояние тут не подойдет, нужно действовать исподтишка, чего я, к сожалению, совершенно не умею. Прав был Эдуард – я примитивное существо.

Я думала, что застану Нику за упаковкой вещей, но оказалось, что она драит ванную. Странно. Может, передумала?

– У меня генеральная уборка, – сообщила подруга. – Поэтому я твой звонок слышала не сразу.

– Ты звонила мне семнадцать раз, начиная с восьми утра. Он что, утром предложил тебе съехаться?

– Да! – глаза Ники сияли почти так же ярко, как начищенные ею краны. – Мы проснулись, сделали Сурьянамаскар, потом выпили свежевыжатого морковного сока и он говорит...

– Так он у тебя ночевал?

– Да!

– В первый раз?

– Ну... да, в первый.

– Тебе не кажется, что это все как-то слишком быстро?

– Лана! Ну почему ты не можешь просто за меня порадоваться? – Ника оттопырила нижнюю губу, как ребенок, который сейчас заплачет.

– Я рада, – вообще не получается изобразить довольную улыбку. Надо на курсы актерского мастерства записаться,

что ли. – Раз ты рада, то и я тоже.

Ника заулыбалась. Ей курсы не нужны.

– А почему ты не пакуешь вещи? – спросила я.

– Вещи? – удивилась Ника. – А! Я тебе не сказала? Эдик переезжает ко мне.

Эдик. Имя-то какое дурацкое. Вот, значит, в чем дело. Сыроед позарился на жилье. У Ники квартира в новом доме, правда в ипотеке, но все же своя и очень уютная. К тому же с огромным балконом и прекрасным видом. В отличие от меня, Ника не особо любит плавать, зато обожает загорать, поэтому постоянно торчит в шезлонге на балконе, к концу лета превращаясь в настоящую шоколадку.

А Эдуард, кажется, снимает квартиру. Точно я не знаю, и у Ники не спросишь. Намеков на его меркантильность она не потерпит. Конечно, ему выгодно переехать к Нике. Мало того, что за жилье платить не надо, так она еще пылинки будет с него сдувать – вон как ванну драит. Небось уже закупила ящик морковки для сока и авокадо для зеленой жижи.

Оставив Нику домывать и без того чистую квартиру, я поехала в торговый центр. Обычно я хожу за покупками с лучшей подружкой, но сегодня ей не до меня. И, кажется, теперь так будет всегда. Она будет круглосуточно вить гнездо для своего драгоценного Эдуарда. Теперь даже в гости к ней просто так не заявишься! С кем я буду дружить? Между прочим, у меня тоже есть новости, которыми очень хочется поделиться.

Нельзя сказать, что из нас двоих я – сама рассудительность, а Ника – легкомысленная вертихвостка, которую нужно постоянно удерживать от опрометчивых поступков. На самом деле, во многих отношениях все обстоит как раз наоборот. Например, в том, что касается шопинга. Я часто покупаю всякую ерунду, которая мне совершенно не идет, и интерес к которой у меня пропадает сразу после того, как она окажется в моем шкафу.

Весной я пошла покупать пальто без Ники, и приобрела нечто среднее между бабушкиным ковриком из обрезков ткани и балахоном Аллы Пугачевой. Да еще и с капюшоном. Мне показалось, что это прикольно – ходишь, как будто завернутая в плед. Хорошо, что Ника потом убедила меня сдать эту вещь обратно. А недавно я купила длинное облегающее трикотажное платье. Малиновое. Ника говорит, что выгляжу я в нем потрясно, но носить не буду. И она права. Это совершенно недопустимый для меня уровень откровенности – платье так плотно прилегает к телу, что просматриваются ребра и позвонки, не говоря уже о других анатомических подробностях.

Но сегодня мне нужна лишь пара футболок, в этом нет ничего сложного, и я спокойно справлюсь без Ники. Даже если я куплю розовую футболку с портретом Барби или, наоборот, черную с фотографией неведомого волосатого рокера – ничего страшного.

В итоге одними футболками я не обошлась – забрела в спортивный магазин, увидела в витрине трекинговые ботинки и не удержалась, купила. А что, я иногда хожу в горы, а кроссовки по камням скользят! Симпатичный рюкзачок с кучей карманов, удобная фляжка для воды и панама с затягивающимися лямками мне тоже обязательно пригодятся. Я уже больше трех месяцев не смотрела на свой любимый город с высоты птичьего полета, пора совершить очередное восхождение! Надо договориться с Никой... Тут я вспомнила про Эдуарда и с горя купила еще и бинокль. Зачем он мне нужен? В окна подглядывать?

Какой-то нехороший человек перегородил своим красным «Пежо» въезд в служебные ворота, и мне пришлось припарковаться у центрального входа. Не успела я вытащить из багажника все пакеты, как за моей спиной раздался голос, который я сейчас меньше всего хотела услышать.

– Привет, Русалка.

– Здравствуйте, Аркадий.

– Мы что, опять на «вы»?

Я пожала плечами.

– К твоему имени «ты» не подходит.

– Тогда зови меня Арк.

Арк! Ну и имечко! Ничуть не лучше Эдика.

– Давай помогу, – он схватил мои пакеты.

Так и надавала бы по рукам! И что мне теперь делать?

Не могу же я дефилировать в его сопровождении через весь отель. Во-первых, мне не нужны лишние пересуды, во-вторых, мы обязательно наткнемся на деда, и он, в лучшем случае, съест мне весь мозг. В-третьих, я не хочу, чтобы Аркадий знал, где я живу.

– О! – воскликнула я с растерянным видом и хлопнула себя по лбу.

Как бы сейчасгодились курсы актерского мастерства!

– Я кое-что забыла.

Я отобрала у Аркадия пакеты, забросила их в багажник и захлопнула его. Через секунду я уже застегивала ремень, сидя на водительском кресле.

– Я с тобой прокачусь.

Аркадий сидел рядом. И когда он успел просочиться в машину?!

– Разве я тебя приглашала? – получилось как-то жалобно.

– Нам нужно поговорить.

Вот! Этого я и боялась. Я вздохнула и завела мотор. Остается придумать, что же я такое забыла и куда мне нужно ехать.

– Машину напрокат взяла? Я тоже собирался. – Аркадий окинул взглядом салон. – Немного странный выбор для девушки, но я не удивлен.

Конечно, странный. Машина-то деда. Я так и не собралась завести свою. Я не очень люблю водить, а еще меньше люблю думать обо всяких там уровнях масла и прочей техниче-

ской ерунде. Но главное не это. Уже два года, как я вернулась домой, но я как будто еще не решила, хочу ли я остаться, или собираюсь снова уехать. А покупка машины – это слишком определенное действие. Дед раньше часто ездил на охоту и рыбалку, поэтому и завел нечто среднее между танком и вездеходом. Удобств для пассажиров минимум, зато можно носиться по горам и лесам, не особо заботясь о наличии дороги.

– Да, – кивнула я. – Я такая. Езжу на вездеходах, плаваю в шторм. Ужинаю человечиной, зажаренной на вертеле.

– Кстати, о шторме. Ты меня спасла.

Хорошо, что он начал с этого.

– Ладно, проехали.

– Но у меня остались вопросы.

Вот он, час расплаты!

– Никак не могу понять, как тебе удалось провернуть этот трюк с ластами?

– Фокусники не раскрывают своих секретов.

– А фокусы – это обман?

Ясно, на что намекает. Я пожала плечами.

– Как посмотреть.

– И как же мы посмотрим на данный фокус?

Я решила немного его отвлечь и заодно разрулить ситуацию с неведомой целью поездки.

– Черт! – воскликнула я.

– Что случилось?

– Поворот проехала. Ты меня совсем заболтал.

– А вернуться нельзя?

– Можно, но до разворота ехать километров пять. А, значит, возвращаться нет смысла. Я все равно опоздала.

– Куда?

– Неважно.

Дальше я не придумала, но этого вполне достаточно. С чего это я должна ему все объяснять?

– Тогда предлагаю ехать дальше.

– Куда дальше?

Вот уж неожиданное предложение.

– А есть разница? Ты все равно опоздала, а я до понедельника свободен, как ветер.

– До следующего понедельника?

– Там видно будет, до какого.

А я уж было обрадовалась. Сегодня четверг, до понедельника совсем немного. Вполне могло бы обойтись без эксцессов между ним и дедом.

Мы уже выехали за пределы нашего небольшого городка, а я еще не придумала, как быть дальше. Он молчит, любуется морем, подкрашенным в лиловый цвет заходящим солнцем. Открыл окно, голову высунул, подпевает песне, звучащей по радио. Наслаждается жизнью. Мне даже завидно стало – здорово было бы быть такой же беззаботной. Я-то напряжена, как пружина. Может, тоже расслабиться и просто получать удовольствие? Он повернулся ко мне, и я не удержалась от

улыбки – волосы на его голове встали дыбом от встречного ветра.

– Ну наконец-то! – вскричал он.

– Что? – не поняла я.

– Несмеяна улыбнулась.

– Я русалка, забыл?

– Никогда не думал, что русалки такие серьезные.

Я сбавила скорость. Хватит оттягивать неприятный разговор. Я съехала с дороги и остановилась над крутым обрывом. Здесь нет спуска к морю, но зато вид потрясающий, и площадка для стоянки удобная.

– Ты, вроде, хотел мне что-то сказать? – лучше самой взять быка за рога.

– Помнится, между нами было заключено пари.

– Было дело, – согласилась я.

– Ты помнишь условия?

– Помню.

– Остается решить, кто победил.

– Я.

Наглость, как известно, второе счастье. А вдруг прокатит?

– И это была честная победа?

Умеет он задавать правильные вопросы.

– Нет, – вынуждена была признать я. А что тут юлить? Он прав.

– Значит, твой результат аннулирован, и победа достается мне.

Я молчала.

– Ты не рада?

– Не люблю проигрывать.

Он снял свои темные очки и внимательно посмотрел на меня. Я на него не смотрела, разве что боковым зрением. И тут он сказал совершенно неожиданную вещь.

– Ты, наверное, замуж хочешь.

– Что?

Если бы я не была пристегнута, упала бы с кресла от удивления

– А что? Многие девушки хотят. И поэтому не вступают в несерьезные отношения с несерьезными парнями вроде меня.

– Я не хочу замуж.

Вот уж в чем я точно уверена. И вообще, с чего он об этом заговорил?

– Тогда что тебе мешает завести ни к чему не обязывающий курортный роман?

Я пожала плечами. Ничто не мешает, вообще-то. Было бы желание.

– Вдруг ты мне не нравишься.

– Это возможно, – он расплылся в самоуверенной улыбке. – Но маловероятно.

Так и хочется щелкнуть его по носу! Я ничего не сказала, только фыркнула. Ника говорит, что так делают лошади, когда им подсовывают прошлогоднее сено вместо свежей со-

ломы.

– Я почти уверен, что ты чувствуешь то же, что и я, – продолжал он.

Ну-ка, ну-ка, и какие же чувства тебя одолевают?

– А именно? – спросила я.

– Что-то такое... вроде статического электричества. Напряжение. И очень сильное притяжение. Ну, признайся.

Ни за что! Он положил руку мне на колено и немного сжал его. Это было большой ошибкой. Я выскочила из машины, обежала ее, открыла дверь с его стороны и сказала:

– Выходи.

– Что? Почему? Я больше не буду!

И поднял руки в знак того, что сдается. Но меня было уже не остановить. Я схватила его за шкурку и буквально выволокла из машины. Он не сопротивлялся, только удивленно хлопал глазами.

– Да что на тебя нашло?

Я захлопнула пассажирскую дверь, села на свое место, завела мотор и рванула вперед, поднимая клубы пыли. Он остался стоять на обочине, растерянный и недоумевающий.

Лексус, к счастью, уже уехал. Что ж, владельцу машины повезло, ведь я была вполне способна протаранить его дедовым джипом. И джипу бы ничего не было. Я взлетела наверх по лестнице, распахнула дверь своей квартиры и услышала голос деда:

– Лана! Это ты?

Ну а кто еще? Только разговоров мне сейчас не хватало!

– Я в душ! – крикнула я.

– А где ты была? – дед появился в коридоре.

– По магазинам ходила.

– Что, ничего не нашла?

Он смотрел на мои пустые руки. Черт, пакеты-то я забыла в машине.

– Да купила там кое-что. В машине. Потом заберу.

– Понятно.

Он внимательно посмотрел на меня, развернулся и пошел к себе. Фу-у. Ладно хоть, обошлось без лишних расспросов.

А я на самом деле пошла в душ. В холодный. Что-то в жар бросает безо всякой видимой причины.

Себя я обманывать не люблю. Других тоже, но иногда приходится. И все-таки врать самой себе – жуткая глупость. Так что я не буду. Да, меня к нему действительно, тянет. С того самого момента, как мы встретились под навесом и он отдал мне свою куртку, прикоснувшись теплыми руками.

Нет, это вовсе не любовь с первого взгляда, а чистая физиология. Дело в том, что с того момента, как у меня прекратились последние серьезные отношения, прошло два года. И за это время у меня была только одна попытка наладить личную жизнь, не очень удачная и удивительно кратковременная. Так что мой молодой организм вправе громко заявлять о своих неудовлетворенных потребностях. Но что-то он уж

слишком раскричался. Не хотелось бы позволить физиологии мной командовать.

Вообще-то на протяжении этих двух лет все было не так уж и плохо. Поначалу мне было совершенно не до потребностей, я вообще забыла, что они существуют. Где-то через год началось какое-то неясное томление, переходящее во вполне конкретные желания. Тогда и случилась та неудачная попытка, после которой я поняла, что лучше уж никак, чем как попало и не с тем человеком. И, как по волшебству, все желания исчезли. Иногда я вспоминала, что на свете есть такая вещь, как очень близкие отношения между мужчиной и женщиной, но это как будто меня совершенно не касалось.

И вот теперь – пожалуйста. Меня бросает в дрожь от одного прикосновения мужчины, к которому я не испытываю и не собираюсь испытывать никаких чувств. Физиология берет верх.

Я лежала на диване, завернувшись в махровый халат, охлажденная душем и успокоенная зеленым чаем с ромашкой. Но мои уши при этом пылали от смутных жарких картин, непрошено возникающих в воображении. Его мускулистые руки, набрасывающие куртку на мои плечи... Огнедышащий дракон на спине, до которого невыносимо хочется дотронуться... Он прикасается губами к моему виску, кладет руку на колено, забрасывает меня к себе на плечо и выносит из воды... О, господи. Я уронила голову на диванную подушке и задремала.

– Лана, у нас гости.

Дед заглянул в приоткрытую дверь и удивленно воззрился на бинокль, который я только что достала из пакета.

– Купила в состоянии аффекта, – объяснила я. – Кого там принесло?

– Не принесло, а я позвал. Постояльцы на вай-фай жалуются, попросил Кирилла проверить.

– И что?

– Что – что?

– Проверил?

– Ага. Заменял один из маршрутизаторов.

Я молча продолжала разбирать покупки. Ботинки все же классные. Подошва рифленая и шершавая, можно лазить по скользким камням даже в дождь.

– Мы там чай пьем. Присоединишься?

Я помотала головой.

– У меня дела.

– Он про тебя спрашивал.

– Скажи, что я сейчас занята и выпью с ним чаю как-нибудь в другой раз.

– Ну, как знаешь.

Дед нехотя удалился, оглянувшись на пороге, как будто надеялся, что я передумаю. Ему нравится Кирилл. Я, в общем-то, тоже ничего против него не имею. Нормальный парень. Уравновешенный, серьезный, положительный. В шко-

ле хорошо учился, но занудой не был, всегда давал всем списывать. Его все любят, а больше всех мой дед. Спит и видит, как я дефилирую за руку с Кириллом в белом платье под марш Мендельсона. А потом, естественно, остаюсь в городе, обзавожусь кучей детишек и большим красивым домом с бассейном и ровно подстриженным газоном.

Кирилл – мой одноклассник, и, в некотором, роде, коллега. Их семья тоже занята гостиничным бизнесом, причем весьма успешно – у них два отеля и на подходе третий. В то время как мы остановились на достигнутом и никуда не развиваемся, разве что вглубь: я бьюсь за постоянное совершенствование сервиса. Вообще-то Кирилл мечтал стать программистом, его даже в институт приняли без экзаменов, за победу в олимпиаде. Но учиться в выбранном учебном заведении ему не пришлось. Серьезно заболел его отец, а брат был в армии, так что ему пришлось взять в свои руки семейное дело.

Он собирался вернуться к учебе позже, когда все наладится, но так и не сделал этого. Компьютеры стали его хобби. Конечно, он не бегает по вызовам к тем, у кого забарахлил вай-фай, но для деда всегда делает исключение. А дед использует любой удобный и неудобный случай, чтобы заманить его к нам и оставить наедине со мной. Раньше это казалось мне забавным, да и Кириллу, кажется тоже, но в прошлом году, все пошло наперекосяк и винить в этом, кроме самой себя, некого.

Я взяла в руки бинокль и подошла к окну. Так, что тут у нас? Прогулочный теплоход, казавшийся игрушечным корабликом, резко приблизился, когда я поднесла бинокль к глазам. Ничего себе! Я увидела прямо перед собой, как аниматор, изображающий Джека Воробья, оскалился перед объективом фотоаппарата, обнимая пышную туристку.

Море, еще море. пляж. Вышка спасателей. Жаль, что она частично закрыта сосной, растущей прямо по курсу. Хотя, с другой стороны, зачем мне подглядывать за Ершом и Лаптем? Вот если бы я могла видеть нашу террасу – другое дело. Можно было бы наблюдать за тем, как выполняют свою работу официанты и уборщики. Но терраса почти полностью скрыта крышей, разглядеть можно только кусочек бассейна и вход. О! Я отпрянула от бинокля, забыв, что с того конца меня не видно. Аркадий. Поднимается на террасу, разговаривая по телефону. Хмурый и озабоченный, я его таким еще никогда не видела. Это как-то даже радует – должны же у человека быть хоть какие-то проблемы, не все же жизнерадостно скалиться отполированными белыми зубами.

Убрал телефон в карман, но выражение лица не сменил. Ага, вот. Заулыбался. На кого это он смотрит? Определенно, на красоток у бассейна. Они, наверное, тоже ему улыбаются. Все. Скрылся.

Мое сердце билось о грудную клетку с оглушительным грохотом. И чего это я так разволновалась? Ну да, я совер-

шила странный поступок. Вытолкала Аркадия из машины и уехала. Ну и что? Я импульсивна и несдержанна, это все знают. Пусть и он знает тоже. Интересно, куда он пошел? К себе в номер?

Вообще-то я могу это узнать. Я села за стол, включила ноутбук и вошла в систему. Если его электронный ключ срабатывает, я это увижу. Есть. Он в своем номере. Видно, решил отдохнуть после приключения. Интересно, как он добрался? Вызвал такси, наверное. Я же не посреди пустыни его бросила.

Видимо, мое подсознание самостоятельно составило план действий, забыв предупредить меня. Я очнулась только перед дверью номера Аркадия, после того, как постучала. Стук был громким, но он мог его не услышать, если был, например, в ванной. О, господи, что я делаю? Я развернулась, чтобы ретироваться, но в этот момент дверь распахнулась.

Он стоял на пороге, в одних трусах, с белым гостиничным халатом в руках. Прикрыться этим самым халатом, кстати, он и не подумал.

– Добрый вечер, – произнесла я каким-то не своим голосом. Кажется, я на время позаимствовала его у нашего администратора Марины.

– Вот так встреча! Ты ко мне?

– Нет, просто стучу во все двери подряд. Вдруг что интересное попадется.

– Ты попала прямо в точку. Заходи.

Он посторонился, и я вошла. А что оставалось делать? Никто меня силой сюда не тащил.

– Я вообще-то в душ собирался. Пропылился весь после прогулки.

Халат он не надел, а положил на кресло. Когда он отвернулся, его дракон, кажется, подмигнул мне.

– Только не говори, что ты шел пешком. Такси никто не отменял.

– Тебя совесть мучает за то, что бросила меня на обочине?

– Вроде того.

– Хочешь чего-нибудь? Кажется, тут в мини-баре есть какое-то вино.

Он открыл прозрачную дверцу. Не «какое-то вино», а Шардоне пятилетней выдержки! Я лично его выбирала. А еще – шампанское, довольно неплохое, лучшее местное пиво, соки и три вида лимонада.

– Мне, если можно, «Тархун», – сказала я.

Он достал стеклянную бутылку из холодильника и начал озираться по сторонам, видимо, в поисках открывалки. Вот же она лежит, на самом виду, на подносе, рядом с чайными ложками! Разве не логично искать ее там? Я взяла открывалку и бросила в его сторону. Он поймал, открыл бутылку, подошел к столу и налил лимонад в стакан.

– Если ты не против, я все же забегу в душ на пару минут. – Сказал он, протягивая мне стакан. – Неудобно общать-

ся с девушкой взмыленным, как конь.

– Я уже ухожу, – сказала я, отпивая лимонад из стакана.

– Уже?

– Вот только лимонад допью.

– Не торопись, а то поперхнешься, – он внимательно смотрел, как я пью, так что я, действительно, чуть не поперхнулась.

Я поставила стакан и развернулась, собираясь уйти.

– А можно узнать, зачем ты приходила?

Он все-таки спросил.

– Лимонаду попить.

Я вздохнула. Он хмыкнул.

– Ну и подтвердить свое поражение. Я мухлевала, так что ты выиграл.

– И ты пойдешь со мной на свидание?

– Пари есть пари.

– Только поэтому?

– Нет, конечно. Приходится признать – ты неотразим.

Он ошалело уставился на меня. Видимо, не ожидал подобного заявления.

– Э-э, ну, значит, завтра вечером?

– А чего тянуть? Давай сегодня. Еще не поздно.

– Отлично. Я... очень рад.

– Встретимся в восемь возле причала.

– А почему не в гостинице?

– Потому.

Я развернулась и ушла.

Глава 4

Наряжаться я не собираюсь. Подумаешь, первое свидание за последний год или около того. Для меня это ничего не значит. У меня нет намерения ему понравиться, хотя выглядеть оборванкой тоже ни к чему. Так что надену эту пышную юбку в цветочек и топ с открытыми плечами – достаточно просто, но в то же время романтично (ха-ха, он же любит романтику!) и уместно в любой ситуации. Хотя какие там могут быть ситуации, скорее всего он поведет меня в ресторан. А куда еще? Не на ночное купание же. Думаю, на сегодня он накупался, да и я тоже.

Море давно успокоилось, шторм, грозно надвигавшийся с утра, покинул наши берега. Во второй половине дня пляжи снова были плотно забиты отдыхающими, подставлявшими свои розовые облезающие тушки жаркому солнцу. Даже сейчас, когда солнце почти опустилось в море, на пляжах довольнолюдно.

А вот и он. Стоит у причала, как обычно, улыбается во все свои восемьдесят восемь зубов. Озирается по сторонам с таким видом, как будто он – наследный принц, а все окружающие – верные подданные, готовые в любой момент пасть ниц к его ногам. Заметил меня. Заулыбался еще ярче. Аж слепит. Идет навстречу.

– Прекрасно выглядишь, – успела выпалить я, пока он переводил свои губы из режима улыбки в режим речи.

– Э-э... я то же самое хотел сказать.

– Не успел, – констатировала я с довольным видом.

– А я все-таки скажу. Ты очаровательна. Свежа, как утрен-
няя роза.

– И романтична, – добавила я.

– Это само собой, – кивнул он. – Прогуляемся?

И взял меня за руку. Что-то события развиваются слишком стремительно.

Мы пошли на пирс, любимое место прогулок и фотосес-
сий туристов. Вот и сейчас народ облепил ограждения и
спуски и активно делает селфи на фоне яхт. Пирс уходит да-
леко в море, а по его бокам пришвартованы разные мелкие
и крупные суда, от катеров и буксиров до яхт и теплоходов.
Самые большие и красивые яхты группируются в самом кон-
це, уж не знаю почему. Здесь любители морского транспорта
гуляют с распахнутыми от удивления и восторга ртами.

Я тоже иногда люблю здесь прогуляться, правда, не в са-
мый разгар курортного сезона, когда яблоку негде упасть.
Мне нравится пирс и вообще наш город осенью, когда боль-
шая часть туристов убирается восвояси, и становится легче
дышать.

Как раз о небывалом наплыве туристов мы и разговари-
вали, продвигаясь к концу пирса и продолжая держаться за
руки. Мне показалось, что я разгадала намерения Аркадия –

пирс заканчивается небольшим рыбным ресторанчиком, видимо мы шли именно туда. Меня это немного удивило: ресторан хороший, рыба там местная и очень вкусная, но я была уверена, что он поведет меня в более пафосное место, вроде нового заведения на крыше пятизвездочного отеля «Ривьера» или претенциозного ресторана «Сан-Мишель», где подают устрицы, доставленные самолетом прямо с побережья Атлантического океана. Мне лично скользкие, пахнущие водорослями моллюски совершенно не по вкусу, но Аркадий как раз похож на человека, который заглатывает живых дорогостоящих гадов на завтрак, обед и ужин.

Почти у входа в ресторанчик Аркадий потянул меня в сторону яхты, самой последней из ряда белоснежных красавиц. Матрос у входа уже откинул трап и приветливо улыбался нам, делая приглашающий жест рукой. Вот оно что! Мы шли вовсе не в рыбный ресторан. Ну что ж, яхта – это очень романтично. Как я об этом сразу не подумала?

– Только не говори, что это очень романтично, – прочитал мои мысли Аркадий.

– А я как раз собиралась!

– Я тебя опередил. Ты произносишь слово «романтично» таким тоном, что его значение меняется на противоположное. Я теперь, пожалуй, никогда не смогу его использовать по назначению.

– Ну хоть какая-то польза от нашего знакомства!

Ступив на палубу, я пожалела о том, что в последний мо-

мент решила все же надеть туфли на шпильках. Яхта, конечно, шикарная, и пол здесь, естественно, ровный, но ходить на каблуках все равно неудобно. Недолго думая, я сняла темно-вишневые «лодочки». Аркадий взял их из моих рук и потянул меня дальше, на самый нос судна. У яхт этого класса на носу обычно находится зона отдыха, и эта посуда не была исключением: встроенный диван, с отделкой, не боящейся морских брызг, столик, на котором разместилась бутылка шампанского в ведерке, бокалы и легкие закуски. Романтично, ничего не скажешь. В самом прямом, первоначальном смысле этого слова. И гораздо лучше, чем в ресторане.

Аркадий смотрел на меня с видом пса, нашедшего палку, которую хозяин забросил в непролазные кусты – он ждал похвалы. Что мне, жалко что ли? Пожалуйста.

– Обалдеть, – сказала я. – Совершенно не ожидала такого поворота. Это прям жуть как романтично.

– Кхе-кхе, – отреагировал Аркадий. – Мы, кажется, договорились не употреблять это пошлое слово.

– Я не договаривалась. Предлагаю вернуть ни в чем не повинному слову его законное место в лексиконе.

Я плюхнулась на диван и оторвала виноградину от грозди, свисавшей из вазы. Яхта тем временем плавно тронулась с места. В чем прелесть данной конструкции – команду, обычно состоящую из двух человек, вообще не видно – один рулит наверху, второй орудует на корме. А мы на носу, в иллюзии абсолютного уединения.

Мы плыли навстречу солнцу, которое готовилось к погружению в море. Все вокруг стало малиновым: небо, море, облака. Даже Аркадий приобрел малиновый оттенок. Я, видимо, тоже отсвечиваю этим красивым цветом. Надеюсь, он мне идет.

Пробка вылетела с глухим хлопком, над горлышком бутылки на секунду появилось белое облачко, и шампанское заструилось в бокалы, пенясь и пузырясь. Солнце коснулось воды как раз в тот момент, когда Аркадий протянул мне наполненный бокал.

– За чудесный вечер, – произнес он, и наши бокалы соприкоснулись с глухим звоном.

Вечер, и правда, был чудесный: теплый бриз, ровная гладь моря, яхта, скользящая по поверхности как опытный фигурист по льду. И Аркадий, поглядывающий на меня то украдкой, то совершенно беззастенчиво.

– Ты определенно умеешь очаровывать девушек, – произнесла я.

– Да ничего подобного, – начал отнекиваться Аркадий.

– Не отпирайся, опыт и навык не скроешь.

Аркадий засмеялся.

– Ну и что, действует?

– А как же. У меня от твоих прекрасных глаз и романтической обстановки прямо-таки колени подгибаются. Если бы не сидела, так и упала бы в твои объятия.

Не буду лукавить – это все чистая правда, но саркастический оттенок в моем голосе не позволит ему об этом догадаться.

– Должен признать, мое сердце тоже бьется с перебоями.

– Тахикардия? – поинтересовалась я.

– Ты, – ответил он.

И уставился на меня своими серо-зелеными глазами. Слишком пристально, я бы даже сказала, нагло. Меня от его взгляда бросило сначала в жар, а потом в холод. О чем я не преминула ему сообщить.

– Ты так смотришь, что я просто таю.

Сарказм – вот мое спасение.

– Не мог бы ты положить льда в мой бокал? – добавила я.

– Если я скажу, что никогда не встречал девушку с такими необыкновенными, синими, как море, глазами, ты меня высмеешь?

Аркадий скорчил жалобную мину.

– Непременно. Но продолжай. Люблю лесть.

– Ты вообще ни на кого не похожа, – провозгласил он. –

И ты невыносима.

– А то.

Я запихнула в рот сразу две шоколадные конфеты и начала сосредоточенно жевать. Надеюсь, это немного разрядит накалившуюся атмосферу. Воздух уже трещит от искр, которые между нами летают.

Нет, не помогло. Мне по-прежнему хочется, чтобы он сел

еще ближе, обнял меня левой рукой, той, по которой змеится хвост дракона, а правой убрал волосы с лица. А потом прижался губами к моим губам... Так, хватит!

А, почему, собственно, хватит? Может, как раз наоборот? Мои потребности кричат о себе так громко, что их просто невозможно игнорировать. Да и незачем, пожалуй. Мне давно пора завести роман, все так считают и не стесняются об этом говорить. Особенно Ника.

Мой язык бежал немного впереди моих мыслей, так что я выпалила:

– Так, значит, ты предлагаешь завести ни к чему не обязывающий курортный роман?

Аркадий чуть не поперхнулся шампанским.

– Я? Ну... да.

Он смотрел на меня с опаской, как сапер на бомбу. Если перережешь не тот проводок – рванет.

– Хотелось бы оговорить условия, – меня было уже не остановить.

– О, господи, – вырвалось у Аркадия.

– Я тебя пугаю?

– Есть немного. Предлагаешь пойти к нотариусу?

– Э-э... нет.

– Фух, – выдохнул он. – Так что тебя тревожит? Не может же быть такого, что ты меня боишься.

– Ну... мало ли. Вдруг ты псих или маньяк. Они, говорят, очень милые на вид люди.

– Сразу хочу заявить: я против принуждения. Это относится к любому моменту нашего романа. Вот, допустим, когда-нибудь я тебя поцелую.

Он замолчал, я почувствовала, что он смотрит на мои губы. Нет, ну это просто невыносимо! У меня голова кружится.

– Не сразу, конечно. Не на первом свидании. На пятом или, может, на двенадцатом.

Что?! На двенадцатом?!

– А тебе вдруг покажется, что я целуюсь как жаба, – продолжал Аркадий. – Ты плюнешь в меня и уйдешь. И я ни слова не скажу. Только сделаю вот так. – Он поднял обе руки в жесте «сдаюсь». – Конечно, мое жабье сердце обольется горькими слезами. Я буду рыдать в подушку, но ты этого не увидишь.

Я расхохоталась.

– Ты об этом хотела поговорить?

– Вообще-то, нет. Когда ты уезжаешь?

– У меня пока нет обратного билета, – проямлил он. – Это зависит от... обстоятельств.

Он запнулся, а в его взгляде промелькнула какая-то мысль, по всей видимости, неприятная.

– То есть ты можешь задержаться здесь, допустим, до конца лета?

– Ну... все может быть. А ты? И, кстати, из какого ты города?

О, черт. Он до сих пор не знает, что я здесь не отдыхаю, а живу.

– Спроси еще, сколько мне лет, где я работаю и на каком этаже моя квартира. Насколько я понимаю, вся эта информация только мешает короткому курортному роману.

– Возможно, – кивнул он.

– Так, вот, я о чем? Мне нужны конкретные сроки.

– Сроки? – он в очередной раз удивленно вытаращился на меня.

– Ну да. Мне нужно знать, когда закончится наш курортный роман. У меня, видишь ли, планы.

– Планы?

– Может, хватит повторять мои слова?

– Ладно.

– Думаю, неделя – самое то, – продолжала я. – Как ты считаешь? Примерно столько длится средний курортный роман.

– Э-э... ладно.

– Ну вот, – я облегченно выдохнула и откинулась на спинку дивана. – Значит, договорились. Через неделю мы расстанемся и забываем друг друга.

– Хорошо.

Он все еще растеряно хлопает глазами.

– Никогда еще не вел более странного разговора на первом свидании, – сказал он, снова наполняя шампанским наши бокалы.

– Надеюсь, ты доволен?

– Ну... да.

– Ты же этого хотел?

– А ты?

– Я тоже.

Честно говоря, я себя чувствовала слегка не в своей тарелке. Романтика от нашего разговора поблекла, он ко мне так и не придвинулся и мне этого уже не так сильно хотелось... Зачем я вообще во все это влезла?

Солнце давно скрылось за горизонтом, нас обступили густые сиреневые сумерки. На столе стояли свечи, он их зажег. Жалкая попытка вернуть улетучившееся настроение. Может, прыгнуть в воду и поплыть к берегу? Мы не так уж далеко, доплыву минут за сорок.

– Сбежать хочешь?

У меня что, на лице все написано?

– Были такие мысли, – призналась я.

– Значит, все распланировала, а теперь на попятный?

– Нет, – я посмотрела прямо в его глаза, и меня снова будто шарахнуло молнией. – Я остаюсь.

Он целовался вовсе не как жаба. Это был нежный, и в то же время какой-то яростный поцелуй, во время которого мое легкое головокружение чуть не перешло в глубокий обморок. Сознание возвращалось постепенно, по мере того, как прикосновения его губ становились все более деликатными и легкими. Мне определенно нужна была передышка.

– Я забыл спросить, – прошептал Аркадий мне в ухо. Это был щекотно и приятно.

– Да? – я повернулась к нему, мой нос уперся в его слегка шершавый подбородок.

– Каковы правила? У тебя же они наверняка есть.

О чем это он?

– Ничего не понимаю, – у меня в голове все основательно перепуталось. Спроси сейчас кто-нибудь, как меня зовут – и я попрошу минуту на раздумья.

– Обычно девушки считают, что на первом свидании нельзя пересекать определенную черту, – поделился своими знаниями Аркадий.

Ах, вот он о чем.

– У меня на этот счет совсем другие правила, – заявила я.

– Ну вот, я же говорил – они есть, – еле слышно пробормотал он.

– На первом свидании – сколько угодно, – продолжала я. – А вот на втором – ни-ни.

– Что? – Аркадий немного отстранился, чтобы внимательно посмотреть мне в глаза. – Смеешься надо мной?

– Я бы съела вон то пирожное с вишенкой, – сказала я, кивая в сторону стола.

Он кормил меня с ложечки. Сначала я возражала – не хватало еще этих телячьих пошлостей! – но потом втянулось. Я вымазалась в креме, он тоже, было смешно, и тема правил первого свидания больше не всплывала. Но слово – не воро-

бей, оно уже вылетело из моего болтливости рта, и вернуть его обратно я не могла.

Пирожное довольно быстро закончилось. Удары моего сердца напоминали барабанную дробь, звучащую в цирке перед прыжком воздушного гимнаста. Я себя чувствовала как раз таким гимнастом: надо прыгать в бездну, но страшно и очень хочется оттянуть решающий момент. У меня возникла мысль попросить еще одно пирожное. Ну и пусть он думает, что я сладкожка и обжора! Мне вообще абсолютно начхать на его мнение, мы расстанемся через неделю и никогда больше не встретимся.

Когда я это осознала, мне вдруг стало легко и весело. Переживать не о чем, я не строю отношения, боясь все испортить в самом начале. Я просто развлекаюсь. Такого у меня еще никогда не было и мне это определенно нравится.

– Ну, – сказала я, убирая в сторону салфетку. – Пойдем в спальню?

Он снова на меня таращится, как рогатое животное на новый забор. Это становится скучным.

– Или займемся этим прямо здесь?

Кажется, он всерьез начинает меня бояться.

– Здесь, конечно, романтично, – я огляделась. – И диван довольно просторный. Или все же маловат? Как ты считаешь, он выдержит?

Я встала, обошла диван, потрогала спинку и подлокотники.

– Э-э... Я... – проблеял он.

Ну вот, кажется, я его окончательно запугала. Он думает, что я чокнутая. Что ж, он прав. Сейчас он сам прыгнет за борт.

Но он никуда не прыгнул. Зато я каким-то неведомым образом в одно мгновение переместилась к нему на колени. Он крепко сжал меня и прошептал прямо в ухо:

– Хватит кривляться.

Тут пришла моя очередь издавать испуганные блеющие звуки.

– Не бойся, – Аркадий ослабил хватку, но не выпустил меня. – Я почти не кусаюсь.

И медленно провел губами по моей шее. О, господи!

Я открыла глаза. Сквозь жалюзи на окнах каюты пробивался розовый солнечный свет. Такой оттенок у него бывает только на рассвете. Значит, я проснулась вовремя. В это время люди спят самым крепким сном, так что у меня есть все шансы уйти по-английски. Вот только нужно выбраться из-под конечностей Аркадия, которые он по-хозяйски закинул на меня. Когда я попыталась переместиться на несколько сантиметров вниз, он заворочался и придвинулся еще ближе. Черт!

Пришлось действовать еще более осторожно и медленно, освобождаясь из его объятий буквально по миллиметру. Не знаю, сколько это заняло времени, по моим ощущениям –

несколько часов. Но он не проснулся – это главное. Солнце уже не такое розовое, надо торопиться.

Я собрала свою одежду, разбросанную по каюте, и закрылась в ванной комнате. Хорошо, что здесь есть одноразовые зубные щетки, но очень плохо, что нет расчески. На голове у меня сущий кошмар. Наскоро одевшись и умывшись, я пальцами расчесала волосы и заплела их в косу. Вроде не так уж плохо. Выгляжу не сильно помятой и потрепанной. Я задрала подбородок и показала своему отражению язык. Главное в нашем деле – непоколебимая уверенность в себе.

Дверь скрипнула, когда я слегка приоткрыла ее и осторожно высунулась наружу. Аркадий лежал в той же позе, обнимая вместо меня подушку. Замечательно. Я на цыпочках направилась к двери, постоянно оглядываясь на него. Так как смотрела я назад, а шла вперед, то, естественно, не заметила кроссовок Аркадия, оказавшийся у меня под ногами. Я споткнулась, замахала руками в тщетной попытке удержать равновесие, но мне это не удалось. Со страшным грохотом я растянулась на ковре.

Ну все. Сейчас он проснется, застанет меня в непрезентабельной позе, придется с ним разговаривать, что-то врать, кого-то из себя строить... А я просто хочу спать! В своей постели. Я закрыла глаза, надеясь, таким нехитрым способом спрятаться от реальности. Кажется, помогло. Тишина. Он не проснулся. Все-таки ковер здесь довольно толстый, скрадывает звуки. Я поднялась и выскользнула из каюты, бросив

последний взгляд на Аркадия. Он даже не пошевелился.

– Эй, капитан! – обратилась я к пареньку, который вчера встречал нас у трапа.

Он мирно дрых в мягком шезлонге на корме, укрывшись пледом. Мои слова не произвели на него никакого впечатления, его глаза по-прежнему были закрыты, а рот, напротив, слегка приоткрыт. Я потрясла его за плечо. Он отмахнулся от меня, как от назойливой мухи. Пришлось прибегнуть к крайним мерам – выкрутить ему ухо. Он что-то пробормотал и перевернулся на другой бок.

– Мадемуазель, – услышала я за своей спиной. – Чтобы разбудить Василия в пять утра, нужно взять его за ногу и окунуть в море.

Я обернулась. Передо мной стоял коренастый бородатый моряк в белоснежной рубашке, отглаженных брюках и начищенных ботинках. В пять утра!

– Капитан Воробьев, – представился он. – Почто мальчика мучаете?

– Мне нужно на берег, – сказала я, отводя глаза.

– Доставим через двадцать минут, – отрапортовал капитан и поднялся по трапу вверх.

А я осталась на палубе, чтобы любоваться свежим утренним морем, мучиться от неведомо откуда взявшейся неловкости и бояться, что Аркадий проснется до того, как я успею сбежать с судна.

– Спасибо, – сказала я капитану, спустившись по трапу.

– Всегда пожалуйста, – ответил он.

Сделав пару шагов, я все-таки остановилась и задала мучивший меня вопрос.

– Скажите, а ваш... клиент, он сразу яхту на ночь арендовал?

Капитан пожал плечами и развел руками. Не хочет отвечать. Мужская солидарность? Тайна сделки? Еще какая-то чушь?

Я развернулась и собралась уходить, когда он негромко произнес:

– Сразу.

– Спасибо.

Оборачиваться я не стала.

Глава 5

Мое второе пробуждение в это утро было долгим и тягучим. Мне снилось, что Аркадий на руках несет меня в каюту, осторожно опускает на кровать, снимает с себя футболку, обнажая великолепные мышцы и прокачанный пресс, а потом тянется к моему топу. Я удерживаю его горячие жадные руки, не в силах справиться со смущением. Но, когда он начинает целовать мою шею, а потом опускается ниже, смущение улетучивается. Аркадий возобновляет свои попытки избавить меня от топика, но у него ничего не выходит, потому что он не знает, что нужно расстегнуть молнию сбоку. Я снимаю топ сама, и отбросив вместе с ним остатки смущения, отпускаю на волю все свои потаенные желания.

Я очень долго не могла выбраться из этого на удивление раскрепощенного сна, мне просто не хотелось просыпаться. Как хорошо, что вчера я догадалась отправить смс деду: «Приду поздно, буду спать до обеда». Иначе он давно начал бы ломиться ко мне, чтобы выяснить, не случилось ли чего, ведь обычно я так долго не сплю. Так... смс... я отправила смс, потому что собиралась вчера на свидание с Аркадием. Так, значит... О господи! Это был не сон, а самая что ни на есть осязаемая реальность! Все это было на самом деле. Я, действительно, делала все то, от воспоминаний о чем мои

уши сейчас пылают, как ошпаренные кипятком. Я заползла под одеяло, чтобы спрятаться от удивительно ярких и довольно бесстыдных воспоминаний, но они настигли меня и там.

Мне не хотелось вставать, по всему телу разлилась приятная истома... давно забытое ощущение. Я закрыла глаза и снова провалилась в полудрему. Одна часть моего мозга пребывала в блаженном забытии, другая продолжала создавать самые разные мысли. Например, она подумала, что было бы здорово снова оказаться в объятиях Аркадия. Прямо сейчас. Может, зря я сбежала? Лишила себя множества самых разных удовольствий.

Ну, нет. Я все сделала правильно. Во-первых, избавила нас обоих от утренней неловкости. Ну ладно, себя. Когда на мне нет одежды, а вокруг светло, я чувствую себя очень уязвимой. Тем более с тем, кто присутствовал при моем вчерашнем безумстве. Вернее, принимал в нем самое активное участие. А, во-вторых, если бы мы проснулись вместе, нам бы и домой пришлось возвращаться рука об руку. Я представила, как мы идем по улице, как водится, по закону подлости, встречаем всех моих знакомых, которые потом будут изводить меня многозначительными намеками, заходим в отель, весь персонал шушукается за нашими спинами, а потом появляется дед с дробовиком в руках. Да, дробовик у него есть, он же старый охотник.

В общем, я не хочу огласки. Моя личная жизнь, тем более

продолжительностью всего в семь дней, должна быть скрыта от взоров широкой общественности. Поэтому нужно объяснить Аркадию ситуацию, пока она не объяснилась сама собой в самый неподходящий момент.

Так, сколько сейчас времени? Первый час. Ничего себе! Я села на кровати. Аркадий, конечно, уже вернулся с яхты. Возможно, ищет меня. спрашивает администратора, например. Вполне вероятно, что при этом присутствует дед. Как глупо, что мы не обменялись телефонами! Все как-то не до этого было.

Ладно, хватит себя накручивать. Скорее всего, умаявшийся Аркадий спокойно дрыхнет в номере. Ну или обедает. Я вдруг поняла, что невыносимо, просто зверски, хочу есть. Я мигом выпрыгнула из кровати, умылась и понеслась к холодильнику. Белый холодный друг встретил меня почти девственной пустотой. Лишь упаковка йогуртов, пара яблок, засохший кусочек сыра и пачка сливок для кофе. Я жадно выпила сливки и пошла одеваться.

Нет, я не сижу на диете, просто почти никогда не готовлю, только кофе варю по утрам. В последнее время дед увлекся кулинарными экспериментами, а я стала его бессменным дегустатором. Надо сказать, большая часть опытов завершается вполне съедобно, хотя бывают и проколы, о чем я сообщаю ему без обиняков. Надеюсь, у деда найдется тарелка горячего супа и половина тушки барана, зараженного на вертеле, для оголодавшей внучки.

Я обычно врываюсь в его квартиру без стука и предупреждения, этот раз не стал исключением. Деда дома не было, супа и бараньего бока тоже. Похоже, он сегодня ничего не готовил. Куда, интересно, он подевался? Я вернулась к себе, нашла телефон и нажала вызов.

– Дед, ты где? – спросила я без лишних предисловий.

– В больнице.

Мое сердце ухнуло куда-то вниз, а колени подкосились. Неужели опять? А я развлекаюсь, дрыхну до обеда и ничего не знаю!

– Эй, все нормально, – дед, кажется, правильно оценил мое молчание. – Плановое обследование. Помнишь, я тебе говорил.

Точно! Говорил. Разве сегодня пятница? Видимо, да.

– Уф, – выдохнула я.

– Забыла?

– Ага.

– Как результаты?

– Пока не знаю.

– Ладно, увидимся.

Я положила трубку. Придется идти в ресторан.

Я редко ем в нашем ресторане, особенно в разгар сезона, когда отель забит отдыхающими, и поварам приходится готовить в огромных количествах. Качество от этого страдает, и поделаться с этим ничего нельзя – я пробовала. Не то чтобы

все совсем плохо, но в сентябре или, например, в марте, когда отель почти пуст, и на службе ножа и поварешки остается один Рустам, блюда становятся гораздо вкуснее.

Сейчас мне было не до изысков, поэтому я заявила прямо на кухню, попросила как можно быстрее подать мне тарелку борща, свежие ржаные булочки, стейк с овощами гриль и, так и быть, что-нибудь на десерт. Кусочек торта «Пьяная вишня» размером с арбуз подойдет.

Я устроилась за самым дальним столиком, спиной к стене, лицом к двери, чтобы не пропустить появление Аркадия, если он сюда забредет. Но я все же его проморгала – слишком увлеклась разделыванием стейка и поджаристого болгарского перца и запихиванием всего этого великолепия в рот.

– Приятного аппетита, – произнес Аркадий, усаживаясь напротив меня. – Хочу то же самое.

Он сглотнул слюну. Я кивнула официанту, рысью сновавшему среди заполненных народом столиков, он подошел, Аркадий озвучил заказ. Я за это время успела прожевать все, что было во рту и собраться с мыслями. Вернее, разогнать их. Нельзя думать о том, что было ночью. Нельзя! Иначе мои уши снова начнут пылать, а трепещущая тушка с грохотом провалится сквозь землю от смущения.

– Привет, – сказала я, не придумав ничего остроумного.

– Проголодалась? – спросил Аркадий.

Вроде бы, он не сказал ничего двусмысленного, но я почувствовала, как к щекам приливает жар. И ухватилась за

стакан с холодной водой.

– Ешь с таким аппетитом, аж за ушами трещит. Я завидую.

После этих его слов мой аппетит напрочь улетучился. Я еще немного поковыряла стейк и принялась за десерт, очень вовремя поданный официантом. Аркадий ел борщ, смотрел на меня и улыбался. Во все свои восемьдесят восемь ослепительно белых зубов.

– Во сколько сегодня встречаемся? В восемь будет нормально? – спросил он.

– Что?

– Второе свидание, – произнес он заговорщицким шепотом. – Я уже кое-что запланировал. Надеюсь, тебе понравится.

Ишь ты, запланировал он.

– Теперь моя очередь планировать, – заявила я.

Никаких планов у меня, естественно, не было. Еще секунду назад и я не подозревала о своем желании стать организатором нашей следующей романтической встречи. Но что-то он слишком раскомандовался.

– Ну ладно, – сказал Аркадий. – Жду с нетерпением. Ты даже представить себе не можешь, с каким.

Я молчала, пытаюсь извлечь из своего мозга мало-мальски интересную идею для свидания. Не могу же я просто пригласить его в ресторан. Я должна придумать что-то не менее, а, желательно, более оригинальное, чем прогулка на яхте.

– Ты так очаровательно смущаешься, – ни с того ни с сего

заметил Аркадий.

– Кто смущается? – возмутилась я.

– Ну не я же.

Как бы мне хотелось вогнать его в краску! Но шансов нет. Я не сильна в провокационных разговорах на щекотливые темы, а он – не скромная девица.

– Сегодня ночью ты был неплох, – выпалила я, не успев подумать, стоит ли произносить это сильно отдающее пошлостью утверждение.

– Неплох? – Аркадий приподнял одну бровь. И как у него это получается? – А с кем ты сравниваешь?

Да уж, смутить его совсем не просто. Господи, ну кто тянул меня за язык? Надо теперь как-то выкручиваться.

– Да так, – неопределенно пробормотала я.

– Я подозреваю, с героями фильмов для взрослых? – Аркадий ухмылялся.

– Ага, – буркнула я.

Сама виновата, не надо было и начинать.

– Руслана, – ко мне подошла невесть откуда взявшаяся администратор Марина. – Там пришли сантехник и чистильщик бассейна.

– Хорошо, я сейчас подойду.

Аркадий подавился борщом.

– Кто там к тебе пришел? – наконец смог выдавить он, глядя, как я ускоренно доедаю торт.

– Те, с кем я тебя сравниваю.

Я еле сдерживала смех. Даже если бы я была режиссером этой сцены, лучше бы не получилось.

– Диктуй свой телефон, – обратилась я к Аркадию.

Он пару секунд таращился на меня, потом произнес нужные цифры и решился на вопрос:

– Что это сейчас было?

– Не было, а будет. Я тебе потом подробно расскажу все интимные подробности, если захочешь.

Я быстренько ретировалась, надеясь, что моему совместному с Аркадием обеду никто не придал особого значения. Почти все столики были заняты, так что удивляться тому, что он сел со мной, никто не будет. И никаких далеко идущих выводов из этого факта не сделает. Во всяком случае, я на это очень рассчитываю.

Решение о месте свидания пришло само собой, в том момент, когда я вернулась к себе, уговорив чистильщика бассейна выполнить свою работу ночью и оставив сантехника менять какой-то вентиль в сложной системе водоснабжения. Мой взгляд упал на бинокль, валявшийся на кресле, я вспомнила про трекинговые ботинки и поняла: надо вести Аркадия в горы. Конечно, нормальные туристы отправляются в путь с утра, но уж как получилось. Канатка работает до десяти, так что вполне успеем. Сегодняшнее свидание будет не поздним и совсем не романтичным. Это вообще будет не свидание, а поход. Так-то.

Ботинки и бинокль создали в моей голове сложный ассоциативный ряд, приведший меня к мыслям о Нике. Интересно, как она там? Переехал ли Эдуард? И не хочет ли моя близкая подруга, наконец, узнать о событиях, происходящих в моей жизни? Меня просто распирает от желания с кем-нибудь поделиться, а, кроме Ники, никаких кандидатов на роль личного психолога у меня нет. Я устроилась с телефоном в кресле возле окна и приготовилась к долгому душевному разговору.

– Привет, – голос Ники звучал деловито. – Хорошо, что ты позвонила. Я соскучилась.

Да неужели!

– У меня куча новостей.

– Здорово. У меня тоже.

– Что там у тебя за шум?

– Мы с Эдиком на рынке. Репу ищем. Ты знала, что сейчас никто не выращивает репу? А это, между прочим, страшно полезный и вкусный овощ.

Обалденная новость, ничего не скажешь. Ну, раз она на рынке, да еще и с Эдуардом, поговорить нам не удастся.

– Давай как-нибудь встретимся.

– Давай. Но сегодня я не могу. Мы с Эдиком собираемся на групповую медитацию в Йога-центр.

– А-а.

У меня на сегодня тоже другие планы, но все равно обидно.

– Давай я завтра днем к тебе заеду, – предложила я.

– Заезжай, – согласилась Ника.

Но я уже вспомнила, что она теперь живет не одна.

– Или лучше ты ко мне.

– Я постараюсь, – сказала Ника. – Но не обещаю.

Постарается она.

– О! – неожиданно радостно воскликнула Ника. – Эдуард нашел репу, представляешь?

Лучше бы он своей лохматой репой с разбегу об стену ударился.

– Я тебе потом перезвоню.

Ника забыла отключиться, и я слышала, как она радостно верещала неестественным тоненьким голоском и называла своего сыроеда «Эдичкой». Похоже, я окончательно потеряла подругу.

Я услышала, как хлопнула дверь и помчалась в квартиру деда.

– Ну как? – с порога выпалила я. – Что сказал врач?

– Все отлично, – сообщил дед, водружая на стол пакеты с продуктами.

Он улыбался, но вид у него был какой-то странный. Винаватый, что ли?

– Ты когда-нибудь ел репу? – спросила я, наблюдая, как он выкладывает в холодильник баклажаны, кабачки и помидоры.

– Ел, – кивнул дед. – С кашей и тушеная она очень вкус-

ная. Жаль, что сейчас непопулярна.

Я подошла и заглянула в пакет из кондитерской.

– Тебе же нельзя эклеры. Там сплошной холестерин.

– Это не мне, а тебе.

– Да? Что-то не помню, чтобы я их особо любила.

Дед отвернулся к холодильнику. Что-то с ним не так. Я сделала шаг по направлению к нему, он, как бы невзначай, отошел. Я попыталась подойти поближе. Он отступил к окну. Ага. Все понятно. Запах сигарет. Я посмотрела на деда обвиняющим взглядом, покачала головой и развернулась к двери.

– Лана! Ты куда?

– Ты знаешь. За сигаретами.

– Да подожди ты! Это был один раз! У меня же все хорошо!

– А будет плохо! – крикнула я, уже спускаясь по лестнице.

Возвращаясь из магазина с сигаретами в кармане, я увидела деда на террасе. Он беседовал с барменом. Я остановилась на противоположной стороне улицы, возле остановки, достала пачку, вытащила сигарету и засунула ее в рот. Так, теперь надо поджечь ее зажигалкой. И не забывать втягивать воздух, а то не загорится. Я действовала неспешно, демонстративно. Дед смотрел на меня, но мешать не собирался – знает, что меня не переупрямишь. И понимает, что виноват. Ну как так можно? Только все стало хорошо, как он снова хочет устроить своему сердцу веселую жизнь!

– Уже куришь?

Аркадий! И откуда он все время появляется, как будто из-под земли вырастает, ей-богу. Вообще не видела, как он подошел.

– Ага, курю.

Я затынулась. Закашляться уже не хотелось. Привыкаю, что ли? Так, глядишь, и втянусь.

Дед смотрел на меня и, естественно, на Аркадия, но я почти не волновалась. Слишком была на него зла. Он, значит, ведет себя как своевольный мальчишка, а я должна быть примерной девочкой! Может, поцеловать Аркадия у него на глазах? Нет, это уж слишком. Возможно, я получу сиюминутное удовлетворение, позлив деда, но последствия могут быть совершенно непредсказуемыми и, однозначно, разрушительными. Не стоит затевать всю эту свистопляску, ведь уже через шесть дней мой ни к чему не обязывающий курортный роман закончится. И пусть он останется тайной.

– Так, – сказала я Аркадию, который исподтишка за мной наблюдал, но ничего не говорил. – Иди, пожалуйста, к себе в номер.

– Ты же обещала рассказать, как все прошло с сантехником и чистильщиком бассейнов!

– Замечательно прошло.

– Не думал, что ты куришь.

– Только после встречи с сантехниками и им подобными.

Послушай, Аркадий, иди, пожалуйста, к себе.

– Мне и здесь неплохо. Чего ты меня гонишь? Ждешь чего-то?

– А если и жду, то что? Через час мы с тобой идем в поход. Так что иди, готовься. Удобная обувь, головной убор, крем от загара и все такое.

– Куда мы идем? – удивился Аркадий.

– Увидишь. Я тебе позвоню.

– Второй раз обещаешь, – сказал он и, наконец, сдвинулся с места.

Я видела, как он поднялся на террасу, приблизился к бару... Так. Дед ему что-то говорит. Черт! Надеюсь, он держит себя в руках. Я бросила сигарету на пол, затушила носком шлепка, потом подняла и отнесла в мусорку на остановке. Когда я оказалась на террасе, Аркадия там уже не было. А дед выглядел вполне уравновешенным.

– Давай пачку, – протянул он руку.

– Ага, сейчас.

– Ну, тогда сама выкини. Не хочу, чтобы она у тебя была.

– Думаешь, я не удержусь от соблазна?

– Ты-то удержишься.

Я представила, как дед в ночи крадется в мою квартиру за сигаретами, и выбросила пачку.

Ботинки, конечно, выглядели слегка не по-летнему. Высокие, громоздкие, на толстой рифленой подошве. В них и

в камуфляжных шортах с кучей карманов я была похожа на Лару Крофт, расхитительницу гробниц. Я заплела косу, как у Анджелины Джоли в вышеупомянутой роли и надела облегающую черную майку под горло. Еще бы пару пистолетов в руки – и будет один в один. Ну почти. Все же формы у меня не столь выдающиеся, как у расхитительницы. Хотя, говорят, сама Анджелина использовала для этой роли специальные накладки.

Так, хватит тут ролевых игр. Я распустила волосы и поменяла майку на более скромную с рукавами почти до локтя. Когда я была в горах в последний раз, у меня обгорели плечи, а нос почти обуглился, так как я забыла надеть бейсболку. Сегодня я такой ошибки не допущу.

Я достала из шкафа свой новый рюкзак, положила в него тонкую ветровку, крем от загара, пару яблок и несколько батончиков мюсли. Покрутила в руках фляжку. Зачем она мне нужна? Надо будет купить пару бутылок воды и проследить, чтобы Аркадий взял что-нибудь теплое. Погода в горах на удивление переменчива, особенно во второй половине дня. В любой момент могут набежать дождевые облака или подняться холодный ветер.

Очень удобно, что у меня теперь есть номер Аркадия, не надо шнырять по гостинице в надежде его встретить.

– Дождевика, у тебя, конечно, нет? – спросила я его, когда он взял трубку.

– Э-э, привет. Чего нет того нет.

- А какая-нибудь ветровка с капюшоном?
- Ты на градусник смотрела? Там почти сорок.
- Тридцать три, – поправила я. – Прекрасная погода. Но наверху все по-другому.
- Наверху?
- Мы идем в горы, – объяснила я.
- Пешком? – испугался Аркадий.
- Ага. После того, как поднимемся на канатке.
- Уф, – выдохнул Аркадий. – Хочешь сказать, наверху прохладнее, чем здесь? Замечательно. Отдохну от жары.
- Куртку все же возьми. Встречаемся через пятнадцать минут возле тира.
- Возле чего?
- Возле тира, по пути на набережную.
- Давай я к тебе зайду. Ты в каком номере?
- Я нажала отбой.

Я подозревала, что Аркадий проявит ослиное упрямство и не возьмет куртку, но он превзошел сам себя – пришел даже без кепки. И уставился на мой рюкзак с изумлением.

- Похоже, все серьезно, – сказал он. – Давай понесу.
- Право нести мой рюкзак еще надо заслужить, – огрызнулась я. – Почему не выполнил указания? Что непонятного в словах «головной убор» и «ветровка»?
- Виноват, исправлюсь.
- Ладно, – смиростивилась я. – Бейсболку купим по до-

роге.

– А ветровка мне не нужна. Мне очень жарко, честно слово.

Я посмотрела на него с легким презрительным высокомерием. Вот поэтому местные и называют отдыхающих «сдыхами» – этот неологизм родился на стыке глаголов «отдохнуть» и «сдохнуть». Вместо того, чтобы прислушаться к голосу разума и проявить осмотрительность, самонадеянные гости курорта бродят без кепок в полдень, продолжают подставлять свою уже облупившуюся розовую шкурку раскаленному солнцу, поглощают недозрелые сливы и перезрелые персики, запивая их неправдоподобно дешевым вином в пластиковых бутылках. А потом, естественно, оказываются в больницах с самыми разнообразными диагнозами. В горах тоже немало возможностей нанести вред здоровью, и отдыхающие делают это с большим энтузиазмом.

Впрочем, что касается местных, они всегда найдут повод сказать свое «фи». Те из приезжих, кто отправляется в горы в полной экипировке, тоже кажутся им нелепыми. Туристы с трекинговыми палками, в полном обмундировании, с рюкзаками за спиной и фотоаппаратами на шее вызывают у них ухмылку. Особенно местных смешат специальные компрессионные гетры, которые надевают опытные покорители вершин. Кстати, такие были на картинке в рекламном буклете, который мне подсунули в магазине вместе с ботинками. Может, мне стоило их купить?

Помнится, я пообещала себе, что сегодня обязательно объясню Аркадию, где я живу, кем приходится мне хозяин гостиницы, и почему мы должны скрывать наш короткий роман от широкой и не очень широкой общественности. Сейчас, когда мы устроились в креслах канатной дороги, момент образовался вполне подходящий. Подъем долгий, для разговоров время есть. Они, правда, отвлекают от созерцания прекрасных видов, ну, ничего, переживет. На обратном пути созерцать виды удобнее, сейчас мы сидим лицом к горе, основные красоты находятся за нашими спинами.

– Помнишь, ты меня встретил на улице, когда я курила? – завела разговор я.

– Кстати, да. Очень хотелось бы тебя спросить...

– Потом спросишь. Сначала я выскажусь. Когда ты поднялся на террасу, с тобой заговорил такой... седой мужчина.

– Да? А, да. И что?

– О чем вы говорили?

– Он спросил, как мне нравится в отеле. Или что-то в этом роде. Я ответил: все отлично. Станный он какой-то.

– Почему?

– Когда я уже уходил, он сказал: я за тобой слежу. Пошутил, наверное.

Я хмыкнула. Ага, пошутил.

– Наверное, он директор гостиницы, – предположил Аркадий.

– Он не директор, а владелец, – надо, наконец, расставить точки над «и». – Директор отеля – я.

Ну да, именно так с некоторых пор значится в официальных документах.

– О! – брови Аркадия поползли вверх, на этот раз обе, а не одна. Так я тоже умею.

Последняя новость удивила его не так сильно, как некоторые из предыдущих.

– О! – повторил он с новой интонацией. – Теперь понятно, почему тебя знают спасатели. И что ты делала с сантехником и чистильщиком бассейнов.

У него одно на уме!

– Следующее, что тебе нужно знать: тот седой мужчина – мой дед. Держись от него как можно дальше. И от меня, когда он находится поблизости.

– Он такой грозный?

– Ему совсем необязательно знать про наш семидневный роман. Так же, как остальным сотрудникам отеля.

– Понял, – задумчиво протянул Аркадий, переваривая информацию. – Кстати, наш умопомрачительный семидневный, как ты заметила, роман, стремительно движется вперед. Осталось уже не семь, а шесть дней! Предлагаю не терять времени.

Он обнял меня, притянул к себе и поцеловал долгим, медленным, мучительно-нежным поцелуем. Я не сопротивлялась поцелую – не смогла бы, даже если бы захотела. Но ко-

гда его рука проникла под мою футболку, я собрала всю волю в кулак и вознамерилась выдать заготовленную порцию возражений.

– Что ты там пыхтишь? – со смешком спросил Аркадий. – И извиваешься, как ящерица?

– Пытаюсь отодвинуться, – объяснила я. – Ты, кажется, забыл мои правила.

– Я не забыл. Но надеялся, что ты забыла. Это же полная чушь!

– Неважно.

– Ну, признайся, ты это вчера из вредности лягнула.

Ну да. И что? Лягнула, значит, так и будет. На втором свидании ни-ни.

– Говорю же: правила у меня такие. Сегодня можно только целоваться. И, так уж и быть, обниматься.

Ну, в этом-то я отказывать себе не собираюсь. Целуется он как бог. А его объятия меня успокаивают. Спокойствие весьма полезно для здоровья.

– Ха, – произнес он, и его интонация мне не понравилась. – Голову даю на отсечение, что ты передумаешь.

И он снова поцеловал меня, на этот раз еще более долго и пронзительно. Я еле отдышалась. Да, следовать своему придуманному мной правилу будет непросто. Но я кремень. У меня все под контролем.

Хорошо, что подъем почти закончился. Иначе я бы совсем растаяла от его поцелуя, как мороженое в микроволновке.

Мороженое под воздействием высоких температур превращается в невкусное подслащенное молоко. А я не хочу ни во что превращаться, хочу остаться собой и вести себя так, как считаю нужным.

Аркадия совсем не удивила моя просьба скрывать наш роман. И противоречить мне, он, к счастью не собирается. Наверное, он думает, что мой дед – просто самодур, который не хочет признавать, что его внучка повзрослела и имеет право на личную жизнь. На самом деле все сложнее. И печальнее.

Когда моя мама была моложе, чем я сейчас, ее соблазнил приезжий ловелас. Он клялся ей в вечной любви, обещал забрать с собой в далекие сказочные края – в общем, использовал стандартный набор курортного донжуана. Наивная неопытная девушка влюбилась не на шутку, и, естественно, верила каждому его слову. А он, позабавившись с ней недельку, исчез в неизвестном направлении. Оказалось, что даже имя его было ненастоящим. Больше я ничего о нем не знаю. А ведь он мой отец. Отчество, у меня кстати, Александровна, в честь Блока, любимого маминого поэта.

О беременности мама узнала через месяц. Она с большим трудом пыталась собрать осколки своего разбитого сердца, а эта новость ее совсем добила. Она набрала воды в ванну, взяла с собой бритву и перерезала вены. К счастью, бабушка почувствовала неладное, и забила тревогу. Маму спасли, зародыш, который позже превратился в меня, не пострадал.

Я до сих пор не знаю, почему мама не сделала аборт. Со мной об этом никто не говорил, и подробности всей трагической истории я узнавала урывками на протяжении нескольких лет. Ей было всего семнадцать, возлюбленный ее обманул и бросил, материнский инстинкт в ней еще не проснулся – я это позже испытала на собственной шкуре. Скорее всего, оставить ребенка ее уговорили родители.

Я не хочу сказать, что мама меня не любила – любила, конечно, и сейчас любит. Но все же она была мне скорее подругой или старшей сестрой, роль строгого и ответственного родителя досталась бабушке. Бабушка следила, чтобы я правильно питалась, вовремя ложилась спать и была одета по погоде. А с мамой мы шили наряды куклам, пускали мыльные пузыри с балкона, гуляли по лужам в дождь, пряча потом промокшую обувь от бабушки...

Иногда мама исчезала – на несколько дней, недель, месяцев. Уезжала с очередным ухажером в далекие прекрасные края. Видимо, ей всегда казалось, что счастье где-то там, за горизонтом, там, куда его увез ее первый мужчина. Но счастье обычно оказывалось ненастоящим, и она снова возвращалась домой. Для меня это были самые лучшие моменты детства, для нее, как я сейчас понимаю, они такими не были.

Больше ни один мужчина ее не бросал – она всегда делала это первой. Прошло уже двадцать пять лет, а та печальная история, как мне кажется, до сих пор имеет над ней власть. Она все еще мстит то ли мужчинам, то ли себе, то ли самой

судьбе, сыгравшей с ней в юности злую шутку. Мне очень хочется, чтобы она встретила человека, с которым ее сердце, наконец, успокоится, и она будет просто наслаждаться жизнью, оставив позади все драмы.

К чему я все это рассказываю? Если знать предысторию, становится понятной неприязнь деда к приезжим парням, которые возле меня крутятся. С тех пор, как у меня завелся первый лифчик, он пытается их гонять чуть ли не с дробовиком в руках. И, понятное дело, мечтает, чтобы я вышла замуж за местного, например, за своего бывшего одноклассника Кирилла. Дед уверен, что Кирилл не растворится в воздухе, оставив меня в интересном положении и суицидальном настроении. Да и имя у него точно не вымышленное.

Глава 6

– Чего пригорюнилась? – спросил Аркадий.

Мы стояли на смотровой площадке рядом с подъемником, я думала о маме и игнорировала чудесный вид на город, горы и море, который раскинулся перед нами.

– Да так, – отмахнулась я. – Задумалась.

– О смысле жизни?

– Вроде того. А ты как считаешь, в чем ее смысл?

Я повернулась и посмотрела ему в глаза. Аркадий пожал плечами.

– Нет у нее никакого смысла.

– Вот и мне так кажется, – вздохнула я.

– Но, когда видишь такую красоту, с этим можно смириться, – продолжил Аркадий.

– Да, – я посмотрела по сторонам.

Все это я видела много-много раз, но все равно дух захватывает от масштабов и великолепия. И еще – от тишины. В горах всегда на удивлении тихо, даже если ветер шумит или идет дождь. Все равно обволакивает какая-то величественная торжественная тишина.

Я посмотрела на Аркадия, потому что почувствовала его взгляд.

– Не туда смотришь, – сказала я.

– Как раз туда, – ответил он.

Неожиданный приступ смущения заставил меня опустить глаза и отвернуться. Ну чего он сверлит меня взглядом? Мурашки прямо-таки табунами по коже бегают.

– Мы пойдем вон туда, – я показала на вершину, покрытую низким зеленым кустарником и каменными валунами, которые отсюда казались мелкими булыжниками.

– Отлично. Совсем недалеко. И не высоко. Я опасался, что придется по отвесным скалам карабкаться.

– Боишься высоты?

– Ну, вообще-то, да.

– И на канатке было страшно?

– А я об этом не думал. Ты меня все время отвлекала.

Ну надо же. У всех свои насекомые в голове.

– Я тоже боюсь высоты, – вещала я, пока мы шли по грунтовой дороге, проложенной по горному хребту.

– Правда? – обрадовался Аркадий.

– Но только в некоторых обстоятельствах. Меня пугают низкие бортики. Лучше уж совсем без них.

– Удивительное утверждение.

– Ты когда-нибудь катался на старом колесе обозрения?
У нас в парке такое стоит.

– В детстве, кажется, катался.

– Страшно было?

– Ага. Хоть оно и не очень высокое.

– Вот. Невысокое. И бортики у него низкие. Это мне не нравится.

Аркадий хмыкнул.

– Если я стою на высоте рядом с бортиком высотой чуть выше колена, мне страшно, – объяснила я. – Хочется перешагнуть и упасть вниз.

– Так ты что, на этом колесе стоя каталась?

– Было дело.

– Да ты хулиганка.

– Есть немного.

Именно так, помнится, меня назвала билетерша. А еще она обещала вызвать милицию, но не вызвала, хотя мне этого даже хотелось. Может быть, тогда мама вернулась бы домой. Чтобы заняться моим воспитанием.

– А ты в детстве, наверное, был примерным мальчиком, – произнесла я.

– Ага. Учился на одни пятерки, слушался старших и постоянно переводил бабушек через дорогу.

– Врешь!

– Вру. Я тоже любил похулиганить. Самую уравновешенную гувернантку мог довести до истерики за пятнадцать минут.

– У тебя в детстве были гувернантки?

– Ага. Родители работали по двадцать часов в сутки.

Я вдруг поняла, что прямо сейчас происходит то, чего я хотела избежать. Мы рассказываем друг другу о себе. То,

есть становимся ближе. Мне уже интересно, каким он был в детстве, что любил, что ненавидел, и как именно изводил гувернанток.

Гувернантки! Надо же. Может, у них и дворецкий был. Вместе с мажордомом. Не знаю точно, кто это такой, но из той же оперы. Так, пора это прекращать.

– Подожди-ка.

Я залезла в свой рюкзак, который болтался у Аркадия на спине, и достала солнцезащитный крем. Надо нанести его на все незакрытые одеждой участки тела. Не хочется потом ходить обугленной, как головешка.

– Тебе руки намазать? – спросила я Аркадия.

– А что, надо? Вроде солнце не очень печет.

– Сам смотри. Может, тебе идет красный цвет. Мне лично не очень.

– Мажь, – он вытянул руки вперед.

Оказывается, нанесение крема на мужские руки и плечи – довольно опасная с точки зрения целомудрия процедура. Я старалась воспринимать его руки просто как человеческие конечности и не думать о том, какими они могут быть нежными, сильными, страстными... Но запретные мысли так и лезли в мою глупую голову.

– Может, я тебе тоже что-нибудь намажу? – предложил Аркадий с лукавой усмешкой.

Догадался. Конечно, догадался. У меня щеки горят и это, наверное, заметно.

Я немедленно выразила свое презрение к его предложению громким фырканием. Аркадий заржал. Ну прямо как в конюшне!

Мы дошли до развилки. Здесь грунтовая дорога, по которой инструкторы катают желающих на квадроциклах, разделяется на две. Одна, накатанная и утоптанная, ведет к пологому подъему. Там совершает восхождение большая часть туристов, стремящихся оказаться на самой высокой точке местной горной гряды. Другая, заросшая травой, тоже устремляется вверх, но к более крутому подъему с другой стороны горы.

– Предлагаю пойти налево, – сказала я.

– Налево я всегда готов, – отозвался Аркадий.

Умеет же он вложить пошлый смысл даже в самое безобидное высказывание!

– Налево идти дальше и подъем круче, – объяснила я. – Но там не натыкаешься на каждом шагу на туриста, делающего селфи.

– Селфи – это пошло, – заявил Аркадий. – Пошли налево. И повернул свои стопы в названном направлении.

Дорога шла то вверх, то вниз, ноги уже начинали тосковать по ровной поверхности. Вершина, которую мы собирались штурмовать, вроде бы, была совсем рядом, но мы никак не могли добраться до начальной точки восхождения. Солнце палило нещадно, прохладный ветерок, охлаждавший нас

в начале пути, где-то заблудился. Тем не менее, я чувствовала себя прекрасно. В трегинговых ботинках мои ноги шагали легко, как на пружинах, а высокогорная тишина наполняла мое сердце блаженным покоем, который не могло нарушить даже присутствие Аркадия.

Он, кажется, тоже чувствовал себя неплохо. Во всяком случае, шагал бодро и не жаловался. Еще один поворот – и дорога стала тропинкой с довольно крутым углом наклона. Через пару десятков метров подъема перед нами откроется один из самых замечательных видов, какие только есть на нашем побережье. Я пропустила Аркадия вперед, мне хотелось, чтобы он первым это увидел, я-то бывала здесь много раз.

– Вот это да! – вырвалось у него, когда он остановился на небольшой каменистой площадке. – Обалдеть!

Да, вид, действительно, обалденный. Когда мы шли, его закрывала гора, но сейчас мы ее обогнули и немного поднялись, поэтому ничто не мешает созерцать бесконечную череду горных вершин, уходящих вдаль. С этой стороны не видно моря и города, только горы до самого горизонта – и это потрясающе.

Я села на пяточок зеленой травы между камнями и подставила лицо свежему ветру, который снова появился, когда мы завернули за гору. Аркадий разместился рядом. Я взяла у него рюкзак и достала бутылку воды.

– Много не пей, – предупредила я его. – Это неэффектив-

но, да и запас ограничен.

– Как скажешь, командир, – отозвался Аркадий и сделал несколько глотков.

– Сейчас будет самый трудный участок пути. Так что надо набраться сил. Ты устал?

– Ни капли.

– Во время подъема у некоторых кружится голова, – сообщила я. – Все-таки высота над уровнем моря тут приличная.

– У меня не закружится, – самоуверенно заявил Аркадий.

Что ж, надеюсь так и будет. Лично у меня в горах бывают моменты, когда все плывет перед глазами.

Аркадий отодвинул рюкзак и упал на траву, потянув меня за собой.

– Отдыхать так отдыхать, – сказал он.

Я не возражала.

Моей голове было очень удобно на его плече, теплое дыхание грело макушку, а руки как будто закрывали от всего неприятного, что только есть на свете. По небу резво бежали белые пушистые облака, похожие на взбитые сливки, ветер тихонько шевелил мелкие листочки низкорослого кустарника. Этот еле слышный шелест убаюкивал лучше любой колыбельной.

Я постепенно выбиралась из состояния полудремы, навалившейся внезапно и вероломно. Глаза не хотели открываться, голова была тяжелой и как будто набитой сладкой ватой.

Аркадий пошевелился, повернулся и прижался ко мне всем телом. Его рука медленно заскользила вдоль моей спины, воспаляя под кожей крошечные очаги трепещущего пламени. Огонь быстро разрастался, грозя занять все доступное пространство. Дремота мгновенно исчезла, вместо нее меня охватило сильное, просто невыносимое желание. Открывать глаза не хотелось. Хотелось, наоборот, закрыть их еще плотнее и, выбросив из головы все благоразумные мысли, нырнуть вместе с Аркадием в пучину страсти и даже, не побоюсь этого слова, похоти.

Но я же кремень. Поэтому и смогла вспомнить о своем дурацком правиле и все же открыть глаза навстречу суровой реальности. Аркадий был на пороге погружения в пучину: глаза закрыты, на лице застыло блаженно-предвкушающее выражение. Пора вернуть его на грешную землю. Я заняла удобную позицию и укусила его за нос. Не очень сильно, но вполне чувствительно. Он ойкнул и вперил в меня возмущенный взор.

– Больно? – спросила я.

– Ага.

– Зато сладострастный туман сразу развеялся. Да?

– Ну ты... акула, – проворчал Аркадий, но из объятий меня не выпустил. – Я раньше думал, что у русалок только хвост рыбий. А, оказывается, и зубы тоже от самых кусачих морских хищников.

– На счет «три» вскакиваем на ноги и бодро шагаем в го-

ру, — сказала я. — Раз, два... три!

Не знаю, как у него это получилось, но он уже был на ногах. А я все еще сидела на земле. Аркадий подал мне руку, закинул на плечи рюкзак и жестом пропустил меня вперед, на крутую извилистую тропинку.

Вершина была совсем недалеко, мы ее видели, и и, казалось, могли достичь в мгновение ока. На самом деле подъем занял около часа. Мы карабкались почти вертикально вверх, то и дело сбивая дыхание и время от времени давая отдых трясущимся от напряжения ногам. Мы цеплялись за кустарник, но иногда все же скользили вниз, особенно Аркадий, ведь на его ногах были самые обычные кроссовки, а не ботинки со специальной рифленой подошвой. Головокружения меня на этот раз, к счастью, не одолевали.

Спасатели вбили вдоль края тропинки альпинистские колышки и натянули красный трос с флажками, предупреждающими об опасности, — потому что местами тропинка проходила по самому краю отвесного каменистого склона. Мы карабкались вверх, обрыв был справа, так что упасть было весьма затруднительно. Но, наверное, человеку, боящемуся высоты, в этом месте не по себе. Лично мне очень нравился этот склон. Я чувствовала азарт и желание покорить его, причем немедленно. Можно было бы не торопиться, но я лезла вверх все быстрее и быстрее, и Аркадию волей-неволей приходилось придерживать того же бешеного темпа.

Этот феномен происходит не только со мной, я не раз наблюдала, как, казалось бы, полностью выдохшиеся туристы, по мере приближения к вершине обретают второе дыхание и начинают неистово карабкаться к конечной точке своего путешествия. Ника называет это высокогорным бешенством и считает, что я крайне подвержена приступам данной болезни. Когда мы ходим в горы вдвоем, я всегда забираюсь на вершину первой и потом с видом царя горы сижу и жду Нику.

Мне и сейчас почему-то очень хотелось опередить Аркадия, но он постоянно наступал мне на пятки. Когда до деревянной смотровой площадки, где установлен указатель «высшая точка», оставалось не больше тридцати метров, он обошел меня на повороте и резво устремился вверх. Я задохнулась от возмущения. Это моя вершина я и должна достичь ее первой! Но Аркадия, который всю дорогу плелся в хвосте, похоже, сразил более жестокий, чем меня, приступ высокогорного бешенства. Он ловко цеплялся за кусты и камни, как какая-нибудь мартышка, я никак не могла его догнать.

Все. Он на площадке, протягивает мне руку, я хватаюсь, тоже оказываюсь наверху и мы, обессиленные, падаем ничком.

- Ты победил, – задыхаясь, произнесла я.
- А мы, что, соревновались?
- А ты не заметил?
- Не-а.
- Врешь!

– Ну ладно, вру. Я всю дорогу тебе поддавался, но в конце решил взять реванш.

– Опять врешь. Ты еле полз, пока не заболел бешенством.

– Чем?

Я вкратце объяснила ему теорию Ники.

– Да! Точно! А я думаю – что это со мной такое, как будто крылья выросли.

Оглядевшись, я увидела, что мы на площадке не одни. С другой стороны поднялась группа туристов, они были такими же запыхавшимися как мы, а ведь поднимались по противоположной стороне. Мы герои!

Как это обычно бывает, члены группы рассредоточились по площадке и защелкали телефонами и фотоаппаратами, пытаясь сфотографироваться на фоне гор в одиночестве. Аркадий тоже достал телефон и навел его на горные вершины.

– Все равно ничего путного не получится, – вздохнул он.

– Да, – кивнула я. – Даже самый крутой фотоаппарат не передаст впечатления.

А потом он повернул свой телефон на меня. Я протянула руку и закрыла экран рукой.

– Никаких фоток.

– Вот как?

– У нас все мимолетно, помнишь? Ни фоток, ни воспоминаний, ни сожалений.

Он молча посмотрел на меня и убрал телефон в карман.

Мы переместились на самый край площадки, свободный от туристов, уселись, свесив ноги вниз, и жадно припали к бутылкам с водой. Потом я достала из рюкзака яблоки и батончики мюсли, и мы закатили настоящий пир.

– Я бы сейчас слона съел, – сказал Аркадий, запихивая в рот целый батончик.

– Ну и зря бы ты это сделал. Нам еще обратно идти, а тяжесть в желудке очень мешает. Мюсли и яблоки – самая правильная еда в походе.

– Ерунда. Я бы съел целого барана и никакой тяжести не почувствовал бы.

Я протянула ему последний батончик.

– Это твой, – сказал он.

– Я вообще голода не чувствую. Горы заряжают меня энергией.

– Ну как хочешь.

Он проглотил батончик, запил его водой, придвинулся ко мне и обнял за плечи. Сидеть вот так, обнявшись, на вершине мира, было очень уютно.

– Как твой страх высоты? – спросила я Аркадия.

– Вообще я обычно его игнорирую. Как-то я даже прыгнул с парашютом. Пришлось, правда, памперс надеть во избежание эксцессов...

– Правда?

– Насчет памперса – нет. Обошелся.

– Ты очень смелый, раз вот так наступаешь на горло своим

страхам.

– Нет, – произнес Аркадий каким-то странным, слишком серьезным тоном.

– Что – нет?

– Я не смелый. Я трус.

– Труссы не прыгают с парашютом.

Он ничего не ответил, но по тому, как он сжал мое плечо, я поняла, что его что-то всерьез гложет. Я бы могла спросить, о чем он думает, но он вряд ли стал бы со мной делиться. Да и не нужно мне знать о нем слишком много. Чем меньше, тем лучше. Поэтому я просто положила голову ему на плечо. Сейчас мы сидим рядом, нам хорошо вместе, но это скоро закончится. Хорошие моменты всегда заканчиваются, но обычно это бывает болезненной неожиданностью. В этот раз все будет по-другому. Сроки определены заранее, никаких неожиданностей, никакой привязанности и никакой боли. Мне нравится, когда все под контролем.

Ветровка мне понадобилась на обратном пути, во время спуска на канатке. Солнце к тому моменту почти погрузилось в море, перестав обогрывать земную поверхность, в свои права вступила вечерняя свежесть. Внизу она приятна, а здесь, на высоте, вызывает легкий озноб. Натянув вышеупомянутый предмет одежды, я посмотрела на Аркадия взглядом «я же говорила», но на него мой взгляд не подействовал.

– Наконец-то я остыну, – обрадовался он. – Ветер приятный, как из кондиционера.

Я застегнула молнию на куртке и подумала, не надеть ли мне капюшон.

– Тебе, правда, холодно?

– У меня кожа не как у крокодила.

– Да, – Аркадий повернулся ко мне, – кожа у тебя нежная, шелковая. Как лепесток розы.

Я фыркнула.

– Рекламы посмотрелся?

– Ага.

Он продолжал сверлить на меня своими пронзительными серыми глазищами. Я тоже не желала отводить взгляд. Обычно подобные поединки я выигрываю на раз, но сейчас оставаться холодной и невозмутимой было очень трудно. В глазах Аркадия я видела то же, что чувствовала сама, хотя и тщательно скрывала, – непреодолимое влечение. Но мало ли куда меня влечет. Я же не животное, могу обуздывать свои инстинкты.

– Как раз сейчас лучше смотреть не на меня, а по сторонам, – произнесла я, не отводя взгляд. – Здесь очень красиво.

– С тобой ни один пейзаж не сравнится.

– А ты все же попробуй сравнить.

– Твои ямочки мне нравятся гораздо больше, чем все эти горы.

Я очень обиделась за горы. Я их нежно люблю, а он даже

смотреть не хочет!

– Я тебе говорил, что ты прекрасна, как волшебный сон?

Это еще что? Ироничный комплимент или попытка сбить меня с толку и заставить отвести глаза? Посмотрим еще, кто кого собьет.

– Эй, расслабься. Меня больше не нужно очаровывать. Я уже очарована и на все согласна.

Я победила. Он моргнул и отвел глаза.

– Но не сегодня, – добавила я.

Сегодня я могу перемещаться только на четвереньках. Икры ноют, даже когда я просто лежу в кровати, в бедрах болят все сорок (или сколько их там) мышц, но самые болезненные места обнаружились, когда я залезала в ванну. При попытке поднять ногу и перекинуть ее через бортик резкая боль пронзила глубокие слои ягодиц. Оказывается, там тоже есть мышцы и они, видимо, в обычной жизни не работают, а включаются только при покорении вершин.

У меня и раньше после походов в горы все болело, но все же не настолько сильно. Вообще мои мышцы в тонусе, в течение всего года я бегаю, гоняю по набережной на роликах или велосипеде, иногда даже хожу в спортзал, хотя в целом больше люблю занятия на свежем воздухе. Но летом, в жару, все виды активности, кроме плавания, отваливаются сами собой. Чтобы покататься на велосипеде, нужно вставать часов в шесть утра, не только потому, что в это время прохлад-

но, главное – набережная пуста. В остальные часы, вплоть до трех ночи, кататься придется по головам. Хуже всего даже не расслабленные пешеходы, с грацией медуз дефилирующие от кафешки к кафешке, а велосипедисты-камикадзе, севшие на двухколесного друга впервые за тридцать лет и напрочь забывшие, как поворачивать руль и жать на тормоз.

В нынешнем июне одна такая велосипедистка, позаимствовавшая средство передвижения у сына-подростка, устроила мне лобовую атаку. Разогнавшись на спуске, она впала в ступор, не в силах затормозить. Я пыталась объехать ее, как положено, справа – она повернула в ту же сторону, я влево – она, с упорством маньяка, снова за мной. Избежать столкновения было невозможно, мне, правда, удалось смягчить удар, направив велосипед по касательной.

К чему это я? После данного случая пришлось закрыть велосипедный и, заодно, роликовый сезон до сентября. С бегом немного по-другому. Обычно я летом не бегаю, слишком жарко. А вот вчера пришлось. Видимо, как раз от этой дополнительной нагрузки так сильно болят мои мышцы.

Вчера мы доехали домой на такси, идти пешком не было никакой возможности – ноги подкашивались от усталости. По дороге я объяснила своему временному любовнику принципы нашего общения. В отеле мы делаем вид, что едва знакомы, особенно, если где-то поблизости околачивается мой дед. Максимум, что позволено Аркадию – поздороваться и

вежливо улыбнуться. И никаких многозначительных взглядов или, не дай бог, подмигиваний! Дед такие вещи сразу просекает, да и у администраторов с горничными глаз наметанный.

Пока я пыталась вбить в голову Аркадия правила поведения в обстановке строжайшей секретности, он пытался превысить допустимые пределы приличий. Его руки то и дело проникали под мою футболку или, как бы невзначай, скользили вверх по бедру, заставляя меня спотыкаться на полуслове и мучительно вспоминать, о чем я веду речь. Отбиваться, не устраивая жестокую бойню и не привлекая внимания таксиста, было сложно. Но я мужественно пыталась. С каждой секундой мужества оставалось все меньше и меньше, и, когда Аркадий умудрился прижать меня к себе провести губами от шеи до ключицы, я крикнула водителю:

– Остановите, пожалуйста, здесь!

– Эй, ты куда?

От неожиданности Аркадий ослабил хватку, я выскользнула из машины. Высунувшемуся вслед за мной Аркадию я объяснила, что нам не стоит подъезжать к отелю вместе. Осталось всего два квартала, я дойду пешком.

Такси с Аркадием, вывернувшим, подобно филину, голову назад отъехало, я закинула рюкзак на плечи и зашагала по тротуару, выравнивая сбившееся дыхание и поправляя взъерошенную шевелюру. Надо еще придумать, как правдоподобно объяснить деду свое отсутствие. Хотя мы с ним дав-

но договорились, что я взрослая, и делаю что хочу, я все же стараюсь держать его в курсе своих перемещений – просто, чтобы он лишний раз не волновался. Никаких подробностей, просто: ушла туда-то, вернусь во столько-то.

Я и сейчас планирую отделаться парой фраз, но, чтобы они звучали естественно, я сама должна верить в то, что говорю. Поэтому нужно нарисовать в голове трехмерную картинку. Итак, я вполне могла бы пойти в горы с компанией старых друзей и приехавших к ним в гости родственников (имена называть не буду, но представляю одноклассницу Ирку и ее мужа Федю). Неплохая легенда, правдоподобная. Я способна работать Штирлицем в тылу врага.

Я очень-очень устала и легла спать невыносимо рано – в десять часов, уверенная, что отключусь в тот самый момент, когда голова коснется подушки. Но моя родная уютная постель, всегда дарившая мне покой и отдых, неожиданно стала камерой пыток. Подушка то превращалась в сбившийся кирпичный комок, то, наоборот, растекалась по матрасу как плоский блин. Удобно расположить на ней голову не было никакой возможности. Одеяло, прежде казавшееся тонким и легким, сегодня давило, как могильная плита, а без него под струями кондиционированного воздуха я замерзала. Да что такое творится?

Признав поражение, я встала и переместилась из спальни в гостиную. Не включая свет, я села на пол у окна, рас-

пахнув одну створку. На улице было гораздо жарче, чем в комнате, правда, можно было почувствовать едва уловимый морской бриз. Я прижалась разгоряченным лбом к стеклу. Снотворного, что ли, выпить? Но у меня его нет. Никогда не чувствовала необходимости призывать сон искусственными средствами. Может, подойдет вино? В холодильнике должна быть початая бутылка сухого красного.

Вообще самое лучшее снотворное – это усталость. Но я и так уставшая, а спать не хочется совсем. Значит, у меня еще остались силы. Надо их израсходовать. Приняв решение, я вскочила, натянула спортивные шорты, топ, достала из шкафа запылившиеся беговые кроссовки и выскочила за дверь, зажав в руке ключи. Полночь – прекрасное время для пробежки, главное избегать людной набережной. Поэтому я побежала не вниз, к морю, а вверх, вглубь жилых кварталов.

Машин было немного, но все же на перекрестках приходилось притормаживать, чтобы осмотреться, и меня это раздражало. Не люблю терять темп. В конце концов, я приспособилась во время вынужденного ожидания бежать на месте, и все наладилось. Чем дальше я убегала от набережной, тем меньше прохожих мне попадалось. Вскоре, когда я оказалась в районе частных домов, прохожие исчезли вовсе, лишь собаки перегавкивались через заборы, провожая меня на всем пути следования.

Все, пора обратно. Я повернула назад и, сделав несколько шагов, невольно остановилась. Из калитки выходил чело-

век, очень похожий на Аркадия. Уличный фонарь был далеко, лица я разглядеть не могла, но силуэт на удивление похож. Мужчина остановился, просунул руку между досками калитки и задвинул засов. Окна в доме, из которого он вышел, не горели, сам дом выглядел старым и заброшенным. Естественно, это не мог быть Аркадий. Что бы он стал делать в этой глуши, в полуразрушенном доме? В попытке отвлечься от жарких мыслей о нем, вызвавших жестокую бессонницу, я убежала за пять километров от дома, но и здесь он мерещится мне в каждом прохожем! Я трянула головой, чтобы избавиться от наваждения, и возобновила прерванную пробежку. Сейчас я догоню его и увижу, что он абсолютно ничем не похож на предмет моих запретных желаний.

Догнать прохожего мне так и не удалось, он шел очень быстро, а потом свернул в какой-то глухой переулок. Преследовать его мне показалось неразумным, и я помчалась в сторону дома, постепенно увеличивая темп. Я должна загнать свой похотливый организм до смерти, чтобы он еле дополз до кровати и больше не возобновлял эротические грезы, лишаящие меня сна.

Глава 7

Поход вкупе с ночной пробежкой утомили меня так, что я проспала двенадцать часов. И все было бы прекрасно, если бы не побочный эффект в виде адской боли в мышцах. Сегодня у меня третье, весьма многообещающее, свидание со страстным и романтичным мужчиной, а мои ягодичные мышцы вынуждают меня переваливаться с ноги на ногу, подобно утке, больной ревматизмом!

Ванна, в которую я забралась со стонами и кряхтением, в какой-то степени исправила ситуацию. Конечно, дотянуться в наклоне лбом до коленей мне сейчас вряд ли удастся, но я, по крайней мере, могу по-человечески ходить. Надо найти деда и выяснить, не нужна ли ему моя помощь. Сегодняшний вечер обещает быть весьма насыщенным, так что желательно переделать все дела днем.

Дед нашелся у бассейна, он сидел верхом на стуле и с философским видом созерцал хлорированную водную гладь, кажущуюся голубой из-за цвета облицовочной плитки. Я не люблю бассейнов, страдаю в них клаустрофобией, как карась в трехлитровой банке. В наш пятнадцатиметровый искусственный водоем я погружалась всего пару раз, в испытательных целях.

– Позавтракала? – спросил дед.

– И пообедала заодно, – кивнула я. – Проснулась голодная, как зверь. И с больными мышцами.

Вчера я, не моргнув глазом, скормила деду легенду о походе в горы с друзьями. Так что можно не стесняться в описании последствий этого похода.

– В следующий раз не надо оставлять чистильщика бассейнов без присмотра, – пробурчал дед. – В углах грязь оставил, да и сток, похоже, плохо вычистил.

Я попыталась разглядеть названные следы некачественно выполненной работы, но, из-за солнечных лучей, преломляющихся в толще воды, ничего не увидела. Подойдя поближе к краю, я сначала присела, а потом и вовсе распласталась плашмя, нависнув над водной гладью. Если бы у меня с собой были плавательные очки, я бы могла опустить голову в воду и рассмотреть подробности рельефа дна, а так ничего толком не видно.

– По-моему, ты придираешься, – сказала я деду.

Ну вот. Целительное действие горячей ванны, похоже, закончилось. Подниматься из положения лежа мне пришлось по частям. Когда я приняла позу старой больной собаки, сидящей на задние лапы, мимо меня прошествовали знакомые белые кроссовки. Забыв о мышечной боли, я резко вскочила на ноги. Надо же было ему появиться именно в тот момент, когда я так некрасиво раскорячилась! Так. Спокойно. Это всего лишь один из гостей отеля. Я даже имени его не знаю. Надо в это поверить, и тогда я смогу вести себя

естественно. Просто человек, один из трех миллионов туристов, посещающих за лето наш прекрасный городок.

Я повернулась к деду, оставив Аркадия за спиной. Надеюсь, он пройдет мимо и растворится в знойной полуденной дымке.

– Как ты мог разглядеть грязь, если я ничего не вижу? Нырять в очках?

Дед тоже не любит бассейны, так что вряд ли.

– Мне не надо нырять, чтобы понять, как человек работает. У него на лбу написано, что он лентяй.

– Ах, вот оно что. Психология.

– Просто жизненный опыт.

– Ха, – прокомментировала я.

И, как бы невзначай, бросила взгляд на противоположную сторону бассейна. Увиденное едва не побудило меня пнуть ни в чем не повинный стул, с которого поднялся дед. Аркадий вальяжно развалился в шезлонге и знаками подзывал официанта. Кем он себя вообразил? Падишахом?

Собрав всю волю в кулак, я, как ни в чем ни бывало, спросила деда:

– Какие планы на сегодня? Моя помощь нужна?

– Да, очень. Я сейчас на пару минут загляну на кухню, а потом поговорим.

– Ладно, подожду тебя здесь.

Я прошла к барной стойке, взгромодилась на табурет и попросила бармена Виталика налить мне вишневого сока со

льдом. Если что и сможет облегчить мои душевные муки, то только очень холодный красный сладкий напиток.

Аркадий по-прежнему возлежал на шезлонге, спрятав бесстыжие глаза за темными очками и нагло улыбаясь мне через разделявший нас бассейн. Слева и справа от него, приняв живописные позы, расположились две загорелые блондинки. Видимо, Аркадий рассказывал им что-то весьма забавное – они то и дело принимались смеяться, теребя локоны и меняя позы на еще более живописные. Официант принес всем троем напитки, они чокнулись, блондинки снова захохотали.

Я продолжала наблюдать, давясь вишневым соком и пытаюсь справиться с приступом бешеной ревности. Да, это именно ревность, не буду вешать лапшу на уши хотя бы самой себе. Только сейчас мне пришло в голову, что вчерашний вечер Аркадий, скорее всего, провел вовсе не так целомудренно, как я. Это я пыталась истратить разрывающую меня сексуальную энергию на установление спортивных рекордов, он же, скорее всего, применил ее по прямому назначению. Возможно, с этими самыми блондинками. В тот момент, когда одна из девушек по-хозяйски положила руку на плечо Аркадия, у меня внезапно снесло крышу.

Спрыгнув с табурета, я не спеша продефилировала вокруг бассейна, не выпуская из рук стакан с соком. Оказавшись рядом с Аркадием и его гаремом, я нечаянно споткнулась,

не удержала в руках стакан и он, нарисовав в воздухе дугу, ударился об изголовье шезлонга. Вообще-то я целилась в голову, но и так неплохо. Немного красного липкого напитка попало в лицо ошалевшему Аркадию, большая часть оказалась на его белоснежной футболке. Стакан не разбился. Посуду для отеля я выбирала хорошую, прочную.

Блондинки, естественно, заверещали, Аркадий вскочил, я рассыпалась в лицемерных извинениях. Мгновенно оказавшийся рядом официант немедленно начал устранять последствия печального происшествия. А Аркадий последовал за мной. Выбора у него не было, я вцепилась в пострадавшую футболку, сообщив окружающим, что просто обязана ее постирать. Рядом с бассейном, за углом здания, была едва приметная дверь, ведущая в прачечную. Туда мы и направились.

– Очень жаль, что так получилось, – произнесла я, когда мы оказались за закрытой дверью.

– Только не говори, что это вышло случайно!

– Нет, конечно. Мне жаль, что я не попала в голову, как планировалось.

Я думала, Аркадий возмутится, но он громко засмеялся.

– Что ты ржешь? – возмутилась я.

– Я, конечно, знал, что ты огонь, но чтоб так! Это ревность? Я польщен.

– Это чувство собственности, – заявила я.

– О!

– Мне все равно, что там у тебя было до, и что будет после

наших семи дней. Но в течение этой недели – только я никого больше. Я не какая-нибудь наложница из гарема...

– Я знаю. Я и не собирался...

– Да? – я вложила в этот возглас весь доступный мне сарказм.

– Да! Просто хотел сбить со следа твоего деда.

– Да?

– Да!

– А я ведь могла попасть, – вдруг дошло до меня. – Прямо в голову.

– Тебе бы потом было стыдно.

– Мне уже стыдно.

Это правда. Да что со мной творится? Обычно я психически устойчива и не склонна к совершению безумных поступков. Но даже адекватный человек может, в порыве жгучей ревности, нечаянно уронить стакан с вишневым соком на голову своего временного любовника.

Аркадий не позволил мукам совести сломить мой дух, он отвлек меня нетерпеливыми поцелуями. Сегодня мне ничто не мешает терять голову, и я ее уже почти потеряла... Нет. Не совсем. Дед. Он сейчас вернется, не обнаружит меня, но зато ему в красках распишут происшествие с участием стакана, Аркадия и его полоумной внучки. Надо это предотвратить. Возможно, когда-нибудь потом он все же услышит сей трагический рассказ, но к тому моменту краски потускнеют и актуальность потеряется.

– Мне нужно идти, – умудрилась я прошептать между поцелуями.

– Ну уж нет.

Аркадий наклонился ниже и нежно прикоснулся губами к моей шее. Это запрещенный прием, и он об этом знает. Мне трудно сопротивляться, когда... Нет. Я должна... Мне нужно... О-о-о...

– Руслана!

Голос деда. Он меня ищет. Он, видимо, уже знает, что я направилась в сторону прачечной и обязательно сюда заглянет. Бежать поздно, если мы сейчас выйдем, то обязательно наткнемся на него. Окна, через которое можно было бы сбежать, здесь нет. Здесь вообще ничего нет, кроме нескольких стиральных машин, стеллажей и гладильной доски. Спрятаться негде, если ты не гном и не мышь.

Ну все, сейчас дед войдет, увидит меня с Аркадием и сразу обо всем догадается – по моему смущенному потрепанному виду и яркому румянцу на щеках. Он будет в ярости. Я-то как-нибудь это переживу, а вот ему вредно испытывать сильные потрясения. В отчаянной попытке изобразить невинную стирку я рывком стянула футболку с Аркадия.

Ручка двери опустилась вниз. В этот самый момент Аркадий дернул меня за руку, и мы вместе оказались позади распахнувшейся двери. Очень плохая идея. Дед войдет, осмотрит прачечную, повернется, чтобы уйти, и увидит нас. Тут уже история о стирке забрызганной футболки не прокатит.

Хотя... зачем ему входить? Вся прачечная как на ладони. Не будет же он искать меня за стеллажами и под стиральными машинами. Мое сердце колотилось, как пойманная в силос птица. Если даже дед нас не заметит, то точно услышит этот бешеный стук.

Я увидела носок дедовой парусиновой туфли. Мое сердце подпрыгнуло к горлу, а потом скатилось в левую пятку. Аркадий, активно дышащий мне в затылок, сжал мое предплечье. За носком ничего не последовало. Дед постоял, развернулся, и вышел, прикрыв за собой дверь. Мои ноги подкопились, я бы сползла на пол, если бы Аркадий меня не подхватил.

– Ты что творишь? – набросилась я на него. – Еще секунда – и он бы нас увидел, причем в однозначно неподобающей ситуации.

– Но ведь не увидел. Так что я молодец.

Через секунду я уже сидела на стиральной машинке, Аркадий стягивал бретельки моего сарафана, не давая мне возможности придти в себя и включить разумное начало. Я знала, что дверь прачечной не заперта, что сюда в любую секунду может кто-нибудь войти, но эта мысль болталась где-то на периферии сознания. Мы слишком долго сдерживались, и сейчас нас не могло остановить даже землетрясение или торнадо.

К счастью, ни торнадо, ни посетители, в прачечную не за-

глядывали. Или заглядывали, но мы их не заметили. Надеюсь, ничья психика не пострадала.

– Пошли ко мне в номер, – предложил Аркадий по прошествии то ли пятнадцати минут, то ли пятнадцати часов, помогая мне вернуть на место все детали туалета.

Я представила, как придется тайком пробираться на пятый этаж, прятаться от деда и всех остальных, у кого может быть ко мне какое-нибудь дело, и у меня вырвалось:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.